

ПЕК АРА

ЯЦЕК

fanzon

Я, инквизитор

Меч
ангелов

Я, инквизитор (Цикл о Мордимере Маддердине)

Яцек Пекара
Меч ангелов

«ЭКСМО»

2004

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Пекара Я.

Меч ангелов / Я. Пекара — «Эксмо», 2004 — (Я, инквизитор
(Цикл о Мордимере Маддердине))

ISBN 978-5-04-161484-3

Вот он – инквизитор, покорный слуга Святого Официума, церковной организации, которая вот уже почти полторы тысячи лет оберегает христианский мир от греха. Мир, полный интриг и зла. Мир, в котором людям угрожают демоны, колдуны и последователи темных культов. Мир, движущей силой которого являются ненависть, жадность и похоть. В этом мире инквизитор Мордимер Маддердин несет факел Божественной любви... Да вспыхнут костры аутодафе!

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-04-161484-3

© Пекара Я., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глупцы идут на небеса	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Яцек Пекара

Меч ангелов

И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся Зверю и образу его и принимающие начертание имени его.

Откровение Иоанна Богослова (14:11)

Jacek Piekara
Miecz aniołów

Публикуется с разрешения автора и при содействии Владимира Аренева.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2004 by Jacek Piekara

Cover illustration © Dark Crayon

© С. Легеза, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глупцы идут на небеса

Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?

Евангелие от Луки (9:25)

Злой разбойник орал, как Богом проклятый (впрочем, как бы ему еще орать-то?), пока легионеры прибавали его руки к распятию. Добрый разбойник кричать не мог, ибо еще до представления ему вырвали язык и зашили рот. Иисус высился над ними, глядя поверх голов страдающим взглядом, и на его лице отражалась мука.

Тем временем легионер в последний раз стукнул молотком по железному гвоздю, а распятие со злым разбойником подняли на веревке и поставили вертикально. Женщина подле меня громко охнула, ее сынок поглядывал на происходившее с пальцем во рту и вылупив глазенки.

Поскольку злой разбойник не прекращал орать (а это могло испортить все представление), легионер ткнул его копьем под сердце. Распятый выгнулся, потом обмяк, а голова его опала на плечо. Из рта полилась темно-красная густая струйка крови.

Теперь настало время Иисуса. Игравший его актер (в этом случае гвозди вбили меж пальцами, в пузыри со свиной кровью) повел взглядом и громко сказал:

– Склонитесь пред Отцом и уверуйте в меня. Кто доверится мне, еще нынче будет вкушать Славу Божию!

– Вкушать Славу? – с явным неодобрением пробормотал кто-то рядом со мной. – Мечом Господа клянусь, из года в год все слабее и слабее!

Я повернулся, чтобы взглянуть, кто решился на столь смелые слова, и увидел мастера Риттера – поэта, драматурга и актера. Должно быть, он сердился, что вертеп поручили готовить не ему, ведь с такими представлениями рука об руку ходят немалые деньги. Мастер же Риттер, как и большинство людей творческих, страдал от хронической нехватки звонкой монеты.

В чем, вне всякого сомнения, был подобен вашему низжайшему слуге.

– Видимо, вы пишете похуже, – с издевкой шепнул я и дал ему знак не мешать.

– Отрекитесь от Сатаны! – надсаживался актер, игравший Иисуса. – Се говорю вам: пришел час, когда следует вам сделать выбор. Милосердный Господь глаголет моими устами: покоритесь Славе Божьей!

Один из легионеров присел под распятием и вытащил баклагу с вином, второй, примерившись, ударил Христа тупым концом копья. Толпа взвыла с ненавистью, а в голову легионера ударило гнилое яблоко. Он обернулся в ярости, отыскивая взглядом того, кто это сделал. Но не увидел, а потому лишь сплюнул под ноги и отошел на пару шагов в сторону, чтобы распятие с висящим на нем Иисусом прикрыло его от возможных бросков.

– Это что, трагедия или комедия? – снова услышал я саркастический шепот Риттера.

Он кривил губы в презрительной гримасе, дергая за узкую черную бородку, которую пестовал с недавнего времени: придавала она ему вид обиженного козлика.

Тем временем Иисус печально склонил голову.

– Не покорились вы пред Господом, – сказал будто себе самому, но слова его эхом разнеслись окрест: зрители как раз замолчали, зная, что близится кульминация. – Остались преисполнены гордыней, презрением и равнодушием. И что же мне делать? – Актер повел взглядом по публике, словно ожидая, что та ему посоветует.

– Покарай их! – крикнул кто-то из подсадных, и толпа сразу же принялась вторить ему.

– Сойди к нам, Иисусе! Покарай грешников!

– Может, мне следует проявить милосердие? – спросил актер в пространство.

– Нет! Нет! Хватит милосердия! Покарай их!

– Да! – произнес Иисус громким голосом. – Ибо разве не милосердно убить бешеного пса? Разве не уберезет се верную паству? Разве добрый пастырь позволяет, чтобы стадо его дрожало в ужасе пред тварью?

– Нет, не позволяет! Сойди и покарай их! Убей Зверя!

– Да будет так! – крикнул актер, и за его спиной разлилось сияние и раздались громы.

С потолка упало ослепительно белое покрывало, закрывшее распятие. И почти сразу вознеслось обратно, вот только Иисус теперь стоял в сиянии доспехов, в шлеме с широким наносником и с мечом в руке. С плеч его волнами ниспадали вышитые золотыми нитями пурпурные одежды.

– Подменили актера, – пробормотал Риттер – и совершенно впустую, поскольку я и сам знал, что первый актер не сумел бы переодеться столь проворно.

Но публика не могла взять в толк, что произошла замена, поскольку шлем со стрелкой не позволял как следует рассмотреть черты лица.

Легионеры вскочили в притворном ужасе, который немедленно превратился в настоящий – когда Иисус ударил мечом и отрубил голову одному из них, да так, что кровь фонтаном хлестнула из тела на публику, а голова откатилась на край сцены. Конечно, ужас охватил лишь второго легионера: первый-то погиб, не успев понять, что представление приобрело неожиданный поворот. Мужчина пытался заслониться копьем, но меч Иисуса перерубил древко, а потом клинок почти по рукоять вошел в грудь жертвы. Легионер упал на колени с выражением гротескного удивления на лице, а публика верещала и хлопала в ладоши. Седой, похожий на селянина мужчина, стоявший сразу передо мной, отер с усов капли крови. Он глядел на сцену, выкатив глаза, и что-то бормотал едва слышно.

– Ну-ну, – сказал мастер Риттер, на этот раз с ноткой невольного удивления.

Признаюсь, развитие ситуации застало врасплох и меня, поскольку вертепные представления обычно не обретали столь драматичных форм. Конечно, злого и доброго разбойников всегда распинали по-настоящему, но людей на эту роль выбирали из преступников, приговоренных к смерти городским судом. Однако я впервые видел, чтобы на сцене убивали легионеров: второй из игравших Иисуса актеров должен был прекрасно фехтовать, поскольку рубил с умением, заметным невооруженному глазу. Публика была в восторге, я же задался вопросом, не придет ли вскоре в голову творцам действия напустить вооруженных Иисуса и Апостолов на толпу зевак. В конце концов, Писание говорит вполне определенно: «в день тот улицы Иерусалима залиты были кровью». И вот мне думается: не познают ли благодаря фантазиям авторов жители Хез-хезрона древние времена куда лучше, чем им хотелось бы.

Представление, по сути, закончилось: игравший Иисуса актер возвышенным тоном цитировал Святое Писание. К плечам его сумели прицепить золотистый ореол, под потолком же на веревках парило нечто белое и крылатое, долженствующее, согласно замыслу создателей, символизировать ангела. Мне лишь оставалось надеяться, что мой Ангел этого не видит: Его сильно раздражали изображения Ему подобных, вдобавок же Он любил, когда Ему оказывали уважение.

– Пойдем, – вздохнул я, взял Риттера за плечо, и мы стали проталкиваться сквозь толпу.

Кто-то обругал меня, что, мол, мешаю смотреть представление, кто-то обдал запахом лука и пива, еще один – воткнул локоть под ребра. Я сносил все смиренно, хоть и сожалел, что не в служебном платье – не в черном плаще и не в кафтане с вышитым на груди сломанным распятием. Ведь, как я не единожды замечал, люди обретают невероятную способность сливаться с окружающим, едва узрев инквизитора. И тогда даже запруженные толпами горожан хезские улицы делаются на удивление пустынными.

Но мы – функционеры Святого Официума – суть люди тихие и сердцем смиренные. Предпочитаем держаться в тени, чтоб оттуда внимательно следить за грешными поступками ближних. Так уж оно бывает, что из тени проще заметить тьму, а свет лишь ослепляет.

Наконец нам с Риттером удалось выбраться на улицу. Пригревало яркое апрельское солнышко, и в этой первой весенней жаре куда как отчетливо чувствовался Хез-хезрон. Обьедки, что скапливаются в переулках, нечистоты, что льются по улицам или засыхают твердой коркой (которую, впрочем, размочит первый же дождь). Грязные потные люди, что никогда не вспоминают о бане и никогда не стирают одежду. Ну и, конечно же, к сердечной боли вашего нижайшего слуги, я оставался одним из немногих, кому все это было ненавистно. Однако именно таков Хез-хезрон, и мне приходилось мириться с тем фактом, что – в горести и в радости – судьба моя была с ним тесно связана.

– Вы снова отказали моей пьесе, – сказал мастер Риттер обвиняющим, но и слегка плаксивым тоном.

– Не мы, но канцелярия епископа, – пояснил я, одновременно обходя пьяницу, который едва не упал мне в объятия. – Вы ведь знаете, что Инквизиториум редко занимается делами, связанными с деликатной материей высокого искусства.

– Да не все ли равно? – махнул он рукой. – Знаете, сколько я потерял?

– А отчего же вы не пишете комедий? – спросил я и отбросил руку карманника, который пытался ощупать пояс Риттера. – Займитесь светлыми сторонами жизни.

Две толстые торговки ссорились у прилавков, одна пыталась огреть вторую по голове чугунной сковородой, но поскользнулась на куче гнилых капустных листьев и упала навзничь, высоко задрав юбки. Мелькнули толстые ляжки с багряными цветочками расцарапанных прыщей.

– Вот, например, – кивнул я. – «Веселые торговки из Хеза». Готовый сюжет для пьесы.

– Все шутите. – Он глянул на меня несколько хмуро, а его бледные небритые щеки покрылись кирпичным румянцем.

– Нисколько не шучу, – ответил я. – Я читал ваши пьесы. Трагическая любовь, злые властители, интриги, предательства, обман, отравительство, убийства из-за угла, страдания в казематах, призраки убитых, лесные духи... Кому это нужно, Хайнц? Кто бы захотел читать или смотреть на такие вещи?

– Вы же, однако, прочли...

Мы сели за столом у корчмы «Под Петлей и Перекладиной». Носила она такое странное название, поскольку в стародавние времена неподалеку стояла городская виселица. Владелец даже показывал гостям прогнивший пенек, который якобы был некогда основанием той виселицы, но сам я думал, что это уловка для привлечения клиентов.

– Кувшин пива и две кружки, – приказал я служанке.

Когда уходила, Риттер попытался схватить ее за попку, но служанка ловко увернулась и оскалила ему в усмешке сломанные зубы.

– Как полагаете, хоть когда-то нам можно будет писать и ставить то, что пожелаем? – спросил он меня. – И чтобы только читатель или зритель решал, чего он хочет?

– Конечно, нет, – рассмеялся я. – Как вам только в голову такое приходит, господин Риттер? Разве позволите вы ребенку одному углубиться в неведомый лес, не рассказав прежде, какой дорогой он должен идти, и не убрав опасности с его пути? Слова обладают великой силой, так что наша повинность – слова эти контролировать. Иначе могут принести они много зла.

– Наверное, вы правы, – пробормотал Риттер, но я видел, что не убедил его.

– Не наверное, а наверняка, – ответил я твердо. – Однако я искренне надеюсь: когда-нибудь мы придем к тому, что церковная или императорская цензура сделаются ненужны...

Риттер изогнул бровь.

– ...поскольку мы так выдрессируем людей искусства, что сюжеты, расходящиеся с официальными взглядами, не просто не выйдут у них изо рта – люди эти даже не сумеют найти слов, чтобы высказать крамольные идеи.

– Хотите избавить народ от свободомыслия?

– Нет, господин Риттер. Хотим, чтобы он рассудительно пользовался этой свободой. Слова могут оказаться хуже поветрия. Могут нести смерть и хаос. И кто же в мудрости своей такое позволит?

Он громко вздохнул.

– А может, может... – нервно забарабанил он пальцами по столу, – ...может, написать пьесу о Святом Официуме? О ежедневном труде и жизни инквизиторов и о том, как они сражаются со злом, кое нас окружает? Скажем... – Он был явно возбужден собственной мыслью, но я его прервал.

– Лучше не трогать Святой Официум, – сказал я решительно. – Нам не хотелось бы, чтобы о нас писали плохо, но не хотелось бы, чтобы писали и хорошо. Не хотелось бы, чтобы о нас вообще писали. Инквизиториум слишком смиренен, чтобы служить темой для искусства. Ругая нас, вы совершили бы грех, а хваля – устыдили бы нас самих.

– Ну да, – смутился он. – Значит, говорите, «Веселые кумушки из Хеза»?

Я, правда, сказал «торговки», но слово «кумушки» было даже лучше.

– Пусть они ссорятся о выручке или о мужчинах, бьют друг дружку по головам сковородами, дергают за патлы, оскальзываются на брошенных капустных листьях, интригуют друг против друга... Это понравится людям, уж поверьте. Они всегда любят смотреть на тех, кто глупее их.

– Вот только будет ли это все еще настоящим искусством, господин Маддердин? – Риттер взглянул на меня пронизательно. – Мне хотелось бы писать о жизни и смерти, о великой любви и о трагизме выбора, о ненависти, пожирающей людей, и о пустой гордыне, о том, где проходит граница между благородством и подлостью, ложью и истиной... – он глубоко вздохнул и опустил голову. – А не о тетках, лупящих друг дружку сковородами.

– Вы должны писать о том, что жаждет ваша публика, – сказал я.

– Ну да-а, – ответил он задумчиво. – Но чего же она жаждет? Хотел бы я это знать...

– Мы ваша публика, – ответил я с усмешкой. – Поэтому старайтесь сначала удовлетворить нас – а там уж как-то оно да будет. Прежде всего не задавайте слишком много вопросов, особенно тех, на которые непросто дать ответы. Мир слишком сложен, чтобы еще и заставлять людей думать. Подарите им минутку-другую беззаботного развлечения, дайте возможность посмеяться над героями ваших пьес, пусть они почувствуют себя лучше, чем есть на самом деле...

Девушка поставила перед нами две кружки с выщербленными краями и кувшин с отбитым ушком. Риттер снова попытался ее шлепнуть, но теперь с куда меньшим запалом – так, что той даже уворачиваться не пришлось. Она щербато улыбнулась и отошла, покачивая бедрами. Я глотнул пива и скривился.

– Грязные кружки, старый кувшин, разбавленное пиво, беззубая служанка – пишите именно об этом. Смело, с открытым забралом, клеймя язвы нашего времени.

– Очень смешно, – пробормотал Риттер, макая усы в пиво. Не был уверен, говорю ли я серьезно или просто насмехаюсь над ним.

– А если бы я написал пьесу о еретиках? – Он чуть придвинулся ко мне и понизил голос. – О том, какие ужасные святотатства они измышляют и как потом, полные раскаяния, горят в спасительном огне очищения? Спасительном огне очищения, – повторил он чуть тише, видимо, чтобы запомнить формулировку. – Были бы там убийственные и подлые интриги. – Он явно увлекся. – Была бы там невинная девица-подросток, влюбившаяся в юношу, который

оказался бы тайным еретиком. Он пытается погубить ее тело и душу, она же выдает его силам справедливости, поскольку долг для нее превыше любви...

– ...а потом она влюбляется в обворожительного мудрого инквизитора, – закончил я серьезным тоном.

– Ну, не знаю... – задумался он, потирая щеку, и только миг спустя понял, что на сей раз я действительно над ним смеюсь. – Вам не кажется это достойной темой? – спросил почти обиженно.

Неподалеку от нас некий пьяница ступил в грязную лужу, обдав брызгами проходивших мимо молодого дворянина и его слугу. Дворянин грязно выругался и принялся охаживать бедолагу хлыстом, а слуга стоял у него за спиной и повторял перепуганно:

– Ваша милость, вы вспотеете, и что я тогда скажу отцу вашей милости... Прошу, перестаньте...

– Вот ваша тема, – показал я ему. – Публика лопнет со смеху.

Мы некоторое время глядели, как юноша хлещет пьяницу, который лишь комично охал и закрывал руками голову, чтобы уберечь лицо от ударов. Он пытался подняться, но снова поскользнулся в грязи и опять упал в лужу.

– Он ему в деды годится, – вздохнул Риттер. – Разве правильно так вот бить старого человека?

– Тот обрызгал ему плащ. Не заметили? – спросил я, поскольку прекрасно знал, что на улицах Хеза и за меньшее выпускают кишки.

Поэт пожал плечами и отвернулся.

– Не могу на такое смотреть, – пробормотал. – Насилие пробуждает во мне отвращение, хотя и не знаю, поймете ли вы, инквизитор, подобную впечатлительность.

Пьяница уже не мог толком заслоняться, он получил хлыстом в ухо и закричал особенно жалобно, а по седой щетине поползла вниз струйка крови. Несколько недорослей, следивших за происходящим, громко засмеялись.

– Мог бы уже и перестать, – нетерпеливо произнес Риттер, наверняка говоря о дворянчике.

– Конечно, понимаю, – ответил я. – Я человек смиренный и сердечно переживаю, что мои обязанности порой принуждают меня к жестоким поступкам. Но, видите ли, иной раз милосердия и молитвы недостаточно. И кто же нам дал лучший пример в этом, как не Иисус?

Риттер громко отхлебнул из кружки. Со стороны ограды стонов уже было не слышать – только приглушенное сопение дворянчика, свист хлыста и сетования слуги, который пытался оттащить прочь своего господина.

– Убьет, – вздохнул Риттер и снова приблизил кружку к губам.

– И кому какое дело? – спросил я. – Десятки трупов таких вот, как он, каждую ночь вывозят из города и хоронят в Ямах.

Поэт выхлебал пиво до дна, в очередной раз вздохнул.

– Есть у вас немного времени? – спросил. – Может, захотите взглянуть на представление, которое мы готовим? Это рыцарский роман, – добавил. – И верите ли, нет ли, но случилось сие без вмешательства епископской канцелярии.

– Да неужели? Видно, по недосмотру, – пошутил я. – Но с радостью взгляну на вашу работу, Хайнц. – Я допил пиво и со стуком оставил кружку на стол. – Блевать охота от такой мочи.

Мы вышли на улицу, где молодой дворянчик уже с заметным усилием лупил неподвижное, бурое и покрытое грязью тело, лежавшее в луже. Старый пьяница не шевелился, а вокруг собралась толпа зевак.

– Хватит, – сказал я, проходя мимо. – Свое он уже получил.

Дворянчик на миг прервался и замер с занесенным над головой хлыстом. Были у него красные щеки и округлое, перекошенное теперь гримасой ярости личико. Светлые редкие волосики приклеились ко вспотевшему лбу.

– А вам что за дело? – рявкнул дворянчик. – Ступайте своей дорогой, если сами не хотите получить...

– Следите за словами, вы ведь говорите с функционером Святого Официума, человеке, – сценическим шепотом произнес Риттер, а дворянчик судорожно сглотнул. Зеваки принялись быстренько расходиться.

– Наверное, вы правы, – миролюбиво произнес дворянчик, подумав. – Но смотрите, как он измазал мой плащ, – добавил юноша обвиняющим тоном.

Он еще раз рассек хлыстом воздух, словно показывая, что дело вовсе не в том, с кем разговаривает, после чего повернулся к своему слуге.

– Возвращаемся домой, – приказал. – Не могу я показаться госпоже Гизелле в таком состоянии.

И ушел, напряженный, будто струна, хлопывая хлыстом по голенищу сапога. Даже не взглянул больше в нашу сторону.

– По крайней мере, мы сделали добрый поступок, спасли жизнь человека, – сказал Риттер, когда мы свернули на улицу, ведущую к месту, где его труппа проводила репетиции.

– Сделали? – пробормотал я. – Ну, будь по-вашему... Проблема, однако, не в жизни того пьяницы, господин Риттер. Я просто не люблю бессмысленной жестокости. Насилие должно быть словно острый меч, направленный в четко выбранное место. Только тогда его нужно использовать. Господь наш покарал тех, кто прибил Его к Распятию, и тех, кто издевался над Его мукой, но не думаю, что разгневался бы, коли б измазали Его плащ.

– Не всякий найдет в себе смиренность и терпение Христа, – ответил поэт.

– Святая правда, – признал я.

* * *

Сцена, на которой театр Риттера проводил репетиции, располагалась в огромном деревянном сарае, обнесенном кривой оградой из подгнивших досок. У входа на страже стоял один из актеров, поскольку театральные труппы тщательно охраняли свои секреты (или, по крайней мере, делали вид, что охраняют). Голова актера была увенчана рыжим париком, лицо – приклеенной искусственной раздвоенной бородкой. В руках он держал большой обоюдоострый топор. Увидев нас, он махнул им в воздухе, а по легкости, с которой это сделал, я понял, что топор, должно быть, деревянный, хотя и покрашен для обмана зрителей серебряной краской.

– Хайнц! – закричал актер. – Давай, мужик, все тебя ждут!

– Андреас Куффельберг, – представил его Риттер с усмешкой. – В приземленном мире – блудный сын уважаемой купеческой семьи, но в универсуме великого искусства – Танкред Рыжий, кроважидный вождь варваров.

– Хррраггхх! – завыл актер, вознося очи горé и потрясая топором.

– *Закалятый сей топор ведьмачьим даром*

Я получил из рук одной старухи,

И в острие его сокрыты чары,

Чтоб пережить все воинские вьюги, – произнес хриплым басом.

Я поплодировал, а он просиял и поклонился.

– Мастер Мордимер Маддердин – из Святого Официума, – пояснил ему Риттер, я же заметил, что он ожидает реакции товарища с чуть иронической и шаловливой усмешкой.

Однако ж Куффельберг нисколько не испугался его слов:

– *Страшитесь, чаровницы, мрачных инквизиторов,*

– Такая кожа, полагаю, должна бы отливать синевой, – пошутил я, но Куффельберг поглядел на меня с укоризной.

– Сейчас сами все увидите, – сказал. – Клянусь, сердце ваше забьется сильнее. Оно так у всех здесь стучит...

Мы оставили рыжебородого актера у ограды, а сами вошли в барак. На сколоченной из досок сцене уже стояли несколько комедиантов, и еще больше их сидело на лавках, дожидаясь своей очереди. Пока что большинство даже не переоделись – а впрочем, в этом-то не было ничего странного, поскольку костюмы недешевы и обычно их надевают во время представлений, а не на репетиции.

Женщину, о которой говорили Риттер и Куффельберг, я увидел сразу. Тяжело было не заметить, ведь меж остальных актеров она сияла, будто солнце. Высокая, с длинными, волнистыми, пшенично-светлыми волосами и алебастровой кожей. Была одета в голубое платье, которое обнажало стройную шею и тесно облегалo высокую грудь.

– У вас играет женщина? – с недоверием прошипел я на ухо Риттеру. – Да люди епископа с вас шкуру спустят!

Конечно, до нас доходили вести о столичных театральных новшествах, где женские роли начали отдавать женщинам, но епископ не скрывал, что считает это оскорблением добрых обычаев и что слова женщин со сцены следует произносить выряженным в женскую одежду юношам с высокими голосами. Все для того, чтобы не подрывать мораль публики и не сеять греховные мысли среди паствы.

– Иначе мы не получили бы денег, – шепнул в ответ Риттер. – Смотрите, вон ее отец. – Он указал мне на толстяка в черном кафтане. – Уступил капризам дочки... Пусть девушка наиграется театром, пока может, а потом роль получит молодой Вернер.

– Надеюсь, вы ей об этом сказали?

Риттер глянул на меня искоса и ничего не ответил.

– Ага, – кивнул я. – Не завидую вам, ибо выглядит она как дама, которая знает, чего хочет...

– О да. «О женщины, вам имя – вероломство!» – процитировал он мне из своих же трагедий. – Отцом вертит как хочет. Жаль только, что старикан ходит за ней тенью: никто из нас и думать не смеет, чтобы остаться с ней хоть на миг лицом к лицу.

– А она? Была бы не против? – спросил я, поскольку из опыта знал, что женские уловки совладают с любой охраной.

– Да черт ее... ох, простите... знает, – пробормотал он. – Ей уже двадцать, отец наверняка подобрал ей дворянчика с хорошим гербом. Бога-а-атенького, – протянул Риттер тоненьким голоском. – Раньше или позже купит себе зятка.

Илона воздевала руки к небесам и, глядя куда-то вдаль, признавалась Богу в тоске по любимому. У нее был низкий, но приятный голос и – если только мое грубое ухо верно различало – прекрасная дикция. Остальные актеры стояли, глядя на нее, будто на икону, а юноша рядом даже прикусил кончик высунутого языка.

Я улыбнулся.

– Кровь – не водица, – сказал. – Гляньте на того парня, – незаметно указал на юношу.

– Йоханн Швиммер, – хихикнул Риттер. – Нынче на сцене они изображают пару влюбленных, и я готов биться о заклад, что он продал бы душу дьяволу... о, простите... – глянул он на меня обеспокоенно, но я промолчал, – ...лишь бы искусство стало реальностью.

– И у него есть хоть малейший шанс?

– Да какое там! – Риттер махнул рукою. – Он ведь оборванец. Живет, снимая угол у друзей. Старый Ульрик скорее прикажет его убить, а ее – запереть в монастыре.

– Ульрик? И как там полностью? – спросил я.

– Ульрик Лойбе, – сказал Риттер. – У него три магазина и склад в порту. Богатенький старикашка... Получить бы такую Илонку, чтобы грела постель, – и денежки старикана, чтобы грели кошель... Эх, мечты! – Он театрально воздел глаза к потолку.

– Вижу, вы сентиментальная натура, – сказал я ему ядовито.

– Сантименты сантиментами, а жрать и трахаться нужно, – ответил он, пожав плечами. – Да и разве не говорит Писание: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю»¹? А уж поверьте, с нею я размножился бы, насколько хватало бы сил, днем и ночью. Да и за наполнением тоже дело б не стало. И наполнял бы не землю, само собой.

Я рассмеялся.

– Кажется, эта Илонка не одному лишь Йоханну приглянулась, – сказал я ему.

– Мы тут все... – Риттер оборвал себя и развел руками. – А вы? Так уж уверены в себе? Инквизиторов лепят не из той глины, что остальных мужчин? – спросил он с иронией.

– Глина наверняка та же самая, но процесс обжига – другой, а гончаром был сам Господь, – сказал я наполовину серьезно, наполовину шутя. – Впрочем, вспомните слова Писания: «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную»².

– Ха! – подвел он краткий итог моим словам.

Дальше мы в молчании слушали монолог Илоны, сулившей гибель варварскому вождю, от руки которого погиб ее жених. На светлой коже проступил румянец, кулаки она сжимала так сильно, что стало заметно, как побелели косточки, а на виске запульсировала тоненькая голубая жилка. Лицо девушки прекрасно передавало чувства: ненависть, когда говорила о Танкреде, любовь – когда вспоминала любимого, и бесконечную печаль – когда оплакивала его смерть. Я и вправду мог понять, почему она вскружила головы актерам труппы. Божественно прекрасная, сказочно богатая (по крайней мере, с точки зрения этих людей, не наделенных лишним грошиком), а к тому же – фантастически одаренная. У нее было все, чего у них никогда не будет. Интересно, хоть в каком-то сердце восторг уже успел превратиться в ненависть?

Когда она закончила, некоторое время все стояли в молчании, будто музыка ее голоса продолжала звучать в их ушах и сердцах. А потом они принялись рукоплескать. И уж поверьте мне, это были не просто рукоплескания. Риттер бил в ладоши, будто безумный, да и я хлопал – и не затем, чтобы не отставать от остальных, но потому, что игра девушки мне действительно понравилась.

– Чудесно, чудесно, – бормотал Риттер и смотрел на меня горящим взглядом. – Скажите сами, разве она не прекрасна?

Илона улыбнулась и поклонилась всем – и, что забавно, я заметил, что она слегка смешалась от подобных проявлений всеобщей любви. Выходит, слава еще не успела ее испортить...

Я глянул в сторону ее отца и заметил, что старый Лойбе не рукоплещет, а лишь раздраженно поглядывает на сцену. Что ж, наверняка он жаждал, чтобы сценическая неудача развеяла мечты дочери о больших представлениях. А уважение, которое оказала ей актерская братия, наверняка разрушало его планы, он ведь знал, что вскорости придется противопоставить мечтам дочери реальность. А реальностью должен был стать богатый дворянин с хорошим гербом. И полбеда, если он окажется симпатичным, молодым и с добрым нравом, но я не думал, что Ульрик Лойбе слишком уж озабочен характером, возрастом или красотой будущего зятя. Важны будут лишь его связи, достойная фамилия и факт, что дети от такого брака кроме дохода деда получают дворянский герб отца. Я знавал девушек, которых продавали и того дешевле, так что, может, Илоне и правда стоило в своем случае говорить о счастье?

---

¹ Быт. 1:28.

² Посл. к Гал., 6:8.

Несомненно, впрочем, было одно: здесь и сейчас она выглядела счастливой. Омываемая аплодисментами, с румянцем на щеках, она кланялась людям, которые многое и многих повидали – но вот именно она стала внезапной вспышкой, осветившей их жизнь.

И только я один не поддавался очарованию девушки. Как видно, инквизиторов и вправду лепят из иной глины.

– Прошу, представьте меня, – попросил я тихо.

Риттер чуть иронично усмехнулся и кивнул. Мы приблизились к сцене и взошли на нее по высоким неоструганным ступеням. Драматург подошел к Илоне, она сердечно обняла его и поцеловала в щеку. Краем глаза я отметил, как Ульрик Лойбе скривился сильнее.

– Солнце мое, это было чудесно... – напыщенно произнес Риттер и отвесил глубокий театральный поклон.

Я заметил, как Йоханн Швиммер отступил на шаг и смотрел в нашу сторону таким взглядом, что им бы со стариком Лойбе сходить на пиво, ибо в тот миг они походили друг на друга словно близнецы.

– Хайнц, ты, как всегда, очарователен, – сказала Илона с усмешкой и погладила его по руке. – Но я всего лишь учусь у лучших. Кроме того, нельзя, говоря такие слова, не произносить их самым сердцем...

Мне всегда казалось, что выражение «покраснел от гордости» всего лишь фигура речи, но... Риттер действительно покраснел от гордости. Как немного нужно для счастья писателю, подумалось мне.

– Представишь мне своего друга? – Илона взглянула на меня, и только теперь я заметил, что ее миндалевидные глаза – голубые, словно горное озеро под яркими лучами полуденного солнца. Я встряхнулся. Понятное дело, мысленно.

– Мордимер Маддердин, – легко поклонился я ей. – Инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона.

– Вы здесь... по службе? – спросила она, а усмешка исчезла как с ее губ, так и из глаз.

– Меч Господень, конечно, нет! – произнес я быстро. – Но такой вопрос я слышу слишком часто, а порой его еще и сопровождают слова «надеюсь, что нет».

Увы, улыбка уже не вернулась на ее губы. Жаль, поскольку на миг я почувствовал себя странником, от которого темные тучи укрыли солнечное сияние.

– Была рада с вами познакомиться, мастер Маддердин. – Она слегка поклонилась. – Простите, господа, но я должна вернуться к отцу.

Я проводил ее взглядом, когда она уходила. Талия девушки была так тонка, что я, несомненно, сумел бы охватить ее двумя ладонями.

– Если вы надеялись на продолжительную беседу, то не стоило тыкать ей в глаза своей профессией, – пробормотал Риттер.

Я повернулся к нему.

– Я не стыжусь того, что делаю, – сказал резко – возможно, даже резче, чем следовало бы. – И не думаю также, что спасение людей от зла предосудительно. Я служу закону и справедливости, как понимаю их своим скудным разумом.

– Не знаю, понимаете ли вы, – сказал он, склоняясь в мою сторону и понижая голос, словно поверял мне тайну. – Но лампу любви трудно зажечь от поленьев костра...

Я только пожал плечами, поскольку он и так позволил себе слишком многое. Увы, профессия инквизитора для многих сопряжена с кострами, а ведь благословенная смерть грешника в пламени – лишь венец нашей кропотливой работы. Да и костры в наши времена не горят так часто, как некогда, когда жар инквизиторских сердец испепелял целые города. Мы далеко ушли от времен ошибок и извращений, а всякий случай старались теперь исследовать с любезной сердцу Господа тщательностью.

Конечно, были среди нас и такие, кто везде видел дела сатаны. Что, впрочем, не являлось проблемой. Проблемой это становилось в том случае, если, зная о сугубо криминальной природе преступлений, они рядили их в одежды ереси и чернокнижия.

Такие люди лишь позорили доброе имя Святого Официума. Разве что, ясное дело, речь шла о цели более важной, чем просто проявление силы или получение обманчивой власти над ближними. Мне и самому пару раз за свою жизнь приходилось пренебречь законом, но я делал это с мыслью о служении, которое важнее всех правил, выкованных людьми. Ибо Господь в своей неизмеримой мудрости станет судить нас по тому, как мы служили Его Славе, а не по тому, сколь внимательно держались сводов законов. Впрочем, все мы грешны и виновны, и вопрос лишь во времени и размере наказания. Так некогда сказал мой Ангел, и у меня не было причин не доверять его словам.

– Привет, Риттер. – Юноша, влюбленный в Илону, уже, конечно, не высовывал кончик языка, но продолжал выглядеть глупо. – И кого ты привел?

– Мордимер Маддердин, инквизитор, – буркнул я, злой, что тот прервал мои мысли. – И я здесь не по служебным делам, если таков был ваш следующий вопрос.

– Инквизитор? – удивился тот. – Вы здесь... Ах да, вы ведь уже сказали... – Он склонил голову, чтобы скрыть озабоченность.

Я присмотрелся к нему пристальней, поскольку ранее внимание мое главным образом было сосредоточено на прекрасной актрисе. Йоханн Швиммер был чрезвычайно высоким юношей, почти на голову выше меня, но ходил и стоял, сильно горбя плечи. Светлые волосы его были обрезаны ровнехонько над бровями, к тому же имел он курносый нос и слишком широкий рот, что придавало ему вид сельского дурачка. Также я заметил, что у него короткие обкусанные ногти и свежие ранки на кончиках пальцев. Хех, идеальный кандидат для Илоны, подумал я с удивившим меня самого удовлетворением.

– Посмотри, что там с реквизитом, – приказал Риттер. – Там вроде бы треснул меч Фабиана. Займись этим.

– Сделаю, – сказал Йоханн без энтузиазма и исчез за портьерой, что отделяла кулисы от сцены.

– Он не актер? – спросил я.

– Бог мой, конечно, нет. – Риттер почти возмутился. – Наш молодой Фабиан снова колбасит с какими-то девками, а Илона говорит, что не умеет играть в пустоту...

– И поэтому Швиммер вызвался добровольцем. Тип человека, который любит расковыривать собственные раны, верно? – рассмеялся я.

– Именно. Хочешь познакомиться со стариком?

Я искоса взглянул в сторону Ульрика Лойбе, который бережно укутывал дочку плащом. Это хорошо его характеризовало, я же любил людей, которые умеют заботиться о долгосрочных инвестициях.

– Лучше оставим это, – ответил я.

– Эх, Лойбе все капризничает, а девица-то моложе не становится...

– Капризничает?

– Ну да. Илоне уже попадались действительно приличные партии. Господин де Валеттри, – Риттер согнул указательный палец на правой руке, – секретарь князя Леона и весьма знатный дворянин. Хуберт Готтшалк, третий сын барона Готтшалка, Джованни Помпелло, бастард кардинала Сантини... Ну, это я перечисляю только самых знатных.

– И старик не согласился? – пробормотал я. – Чего он ждет? Сказочного принца?

– В конце концов девушка даст первому встречному, обрюхатится – вот и все, что старик получит от своих капризов, – пожал плечами Риттер. – Ну я не желаю ей этого, – добавил он сразу же, и я не почувствовал в его голосе фальши. – Но сами знаете, как оно бывает... Ладно, садитесь и наслаждайтесь. Мы прогоним еще несколько сцен, а потом можем поступить по

примеру Фабиана. – Он подмигнул мне левым глазом и огладил бородку жестом, который, как ему казалось, должен был сойти за сладострастный. – Куффельберг проставляется, поскольку мало у кого из нас денег куры не клюют, а ему как раз крепко повезло.

Я вздохнул и уселся, как он меня и попросил, поскольку на сегодня у меня не было планов, а выпить в компании Риттера и позабавиться с девками не казалось мне худшей идеей на нынешний вечер. Правда, в доме любезной сердцу моему Тамилы у меня был уже неприлично высокий долг, но я рассчитывал, что она не будет против приписать к нему еще некоторую сумму. Особенно если вспомнит, что я всегда плачу свои долги. Хорошо знала об этом и Лонна – предшественница Тамилы, хотя давным-давно не могла уже, из-за достойного сожаления случая, поделиться этим знанием с кем бы то ни было.

* * *

Наверняка я мог бы жить и в более удобном обиталище. Ведь для любого хозяина гостиницы присутствие инквизитора остается определенной гарантией. Ну, например, гарантией того, что гости с большей вероятностью не прирежут друг дружку и не разрушат само здание. Конечно, при условии, что гости окажутся настолько трезвы, чтобы бояться кого-то или чего-то. Но я как-то по привычке к трактиру «Под Быком и Жеребчиком» и к его владельцу – Корфису, с которым мы некогда имели несчастье участвовать в битве под Шенгеном. Впрочем, бегство сквозь леса и болота трудно назвать битвой, поскольку единственное, что я запомнил из того дела, – это появляющуюся из тумана тяжелую имперскую кавалерию. А потом мы просто убежали. Но несмотря на то, что это были старые дела, мы – те, кто выжил в той резне – относились друг к дружке со взаимным уважением.

Хотя не раз и не два владельцы других гостиниц предлагали мне комнату, но мне как-то не хотелось съезжать от Корфиса. Правда, он имел дурную привычку разбавлять вино (а вашему нижайшему слуге по вкусу чуть большее соотношение вина в воде), а кроме того, он часто напоминал о просроченных счетах, но как-то да удавалось нам найти общий язык.

В тот день я лежал в кровати и как раз читал последний памфлет, изданный мастером Мактобертом, в каковом памфлете насмехались над некоей благородной и богатой госпожой легкого, однако, поведения, которая была поймана с любовником. Вроде бы памфлет был издан на деньги мужа оной дамы, и я подумал, что у людей встречаются удивительные способы, чтобы дать знать всем вокруг о собственном позоре.

Чтение мое было прервано скрипом ступеньки на лестнице, что вела в мою комнату, а сразу после – согласно с ожиданиями – я услышал быстрый и громкий стук.

– Войдите, – сказал я и кинул книгу на пол. И порадовался мельком, поскольку мне удалось одновременно пристукнуть весьма крупного таракана, как раз вылезшего из щели.

Двери скрипнули (я подумал, что нужно бы сказать Корфису, чтобы тот смазал маслом завесы), и внутрь вошел мужчина, лицо которого показалось мне знакомым. У меня, увы, нет такой невероятной памяти, как у моего приятеля Курноса, да и развлечения минувшего дня притупили мою обычную остроту ума и умение сопоставлять факты.

Пришлец был старым дородным мужчиной, одетым в черный, вышитый золотом кафтан, а на толстых пальцах я заметил соблазнительно поблескивающие перстни. Лицо его окаймляла квадратно постриженная борода, и лишь спустя некоторое время я понял, что именно борода-то меня и обманула. Ибо, когда я видел его месяцем ранее, щеки визитера были гладко выбриты.

Передо мною стоял не кто иной, как отец прекрасной Илоны – Ульрик Лойбе. И что бы искать богатому купцу в комнатах бедного инквизитора? Ха, видимо, именно то, что подобные ему ищут всегда! Решения проблем, в которые их чаще всего ввергала собственная же глупость.

И мне было интересно, прав ли я на сей раз.

– Приветствую, господин Лойбе, – сказал я вежливо, но не стал подниматься с кровати. – Садитесь на табурет.

Он фыркнул: как видно, не привык к подобным приветствиям, – и подозрительно покосился на табурет, у которого одну ножку заменяла стопка книг из печатни мастера Мактоберта. Наконец осторожно уселся.

– Что вас ко мне привело? – спросил я тоном дружеской беседы. – Чем могу служить?

Он положил кулаки на колени и склонился ко мне. Я обратил внимание, что лицо его покраснело и вспотело, и подумал, что навряд ли виной этому только лишь установившаяся в Хезе жара – дело, скорее всего, было в горячности купца.

– Вы ведь знаете мою дочку, верно?

– Удивительная молодая дама, – ответил я. – И позволю себе также заметить, что одаренная необычным талантом.

– Да черта с два «талант»! – почти крикнул он и ударил кулаками в колени. Ощерился, будто хотел меня укусить. Я утер щеку, поскольку капельки слюны долетели до моего лица. – Одно несчастье!

– Что случилось? – Я поправил подушку, устраиваясь поудобней, поскольку, раз уж речь шла о прекрасной Илоне, разговор обещал быть интересным.

– Ее похитили, – выдавил он, покраснев, будто его вот-вот хватит апоплексический удар. – Этот идиот Швиммер и его приятели. Представляете? Похитили ее!

– Ох, – сказал я, не слишком, впрочем, удивленный, поскольку Швиммер производил впечатление свихнувшегося от любви, а такие люди часто решаются на крайне безрассудные шаги. – Надеюсь, вы сообщили людям бургграфа?

– Господин Маддердин, вы считаете меня идиотом? – зашипел он. – Конечно же, я сообщил бургграфу и цеховой милиции, и... – на миг он прервался, словно подбирая слова, – ...и другим людям. Тем, кто знает, что происходит в городе...

Я догадался, что в последнем случае он имел в виду тонгов – необычайно опасный, но прекрасно организованный преступный цех. Верно, Лойбе и вправду отчаялся, поскольку оказаться в должниках у тонгов было небезопасно, о каком бы богатым или влиятельном человеке ни шла речь.

– И что?

– И что, и что... – повторил он вслед за мной раздосадованно. – И ничего! Как камень в воду.

– Чего же вы ждете от меня? – спросил я. – Вы ведь должны понимать, что подобное дело – не в ведении Инквизиториума.

– Господин Маддердин... – Он потянулся к поясу, вынул пузатенький мешочек и кинул его, звенящий, на стол.

Я задумался, наполняют ли тугие бока сего мешочка достойные сожаления медяки, любезное глазам серебро или волшебненькое тяжелое золото. Знал, что вскоре выясню это самолично.

– Скажем откровенно, – говорил он, – я знаю, что вы друг друзей и порой помогаете людям, у которых появились проблемы. Я хорошо заплачу, если вы вернете мою дочку. – (Поведите ли, милые мои, я едва не прослезился). – Нетронутую и здоровую.

– Нетронутую? – пробормотал я. – Это уж не от меня будет зависеть. – Он глянул в мою сторону так, будто готов был ударить, я же решил, что у него пунктик насчет девства дочери. – Будем же искренними, как вы и просили. Если уж вы наняли для поисков людей города, то я никак не сумею вам пригодиться.

– Людей города? – почти испугался Лойбе. – Вы говорите о тонгах? – заговорил он шепотом, словно боясь, как бы нас никто не подслушал. – Нет-нет, я и не намеревался... Это же обоюдоострый меч, господин Маддердин, и кому, как не купцам, знать об этом лучше всех?

Ну что ж, по крайней мере, он сохранил капельку здравого смысла.

– Я полагал, что вы, как человек, который знает эту... – он скрежетнул зубами, – ...актерскую босоту, сумеете найти хоть какие-то следы.

– Замешан ли в это Риттер? – спросил я. Люблю Хайнца Риттера и не обрадовался бы, отправив его на эшафот. Впрочем, если бы с девушкой не случилось никакой беды, он уж как-то да сумел бы выскользнуть из переделки.

– Не думаю. – Лойбе покачал головой с таким выражением, словно ему непросто было согласиться с мыслью, что хоть кто-то из актеров не имеет ничего общего с его несчастьем. – Это тот дурень Швиммер.

– Один?

– Ну кто-то с ним был. – Лойбе так сильно дернул плечами, что колыхнулись даже складки на шее. – Видите ли, господин Маддердин, мне пришлось отъехать по делам, и я приказал двум доверенным людям и служанке оставаться подле Илоны ночью и днем. Но-о-о, – он взмахнул рукою, а солнце, бросив луч сквозь окно, засверкало на камнях его перстней. – Швиммер и его босота справились со всеми, а мое солнышко... мою кровиночку... похитили... Один лишь Бог знает, какие страшные вещи с ней сотворили!

Произнося эти слова, он уже по-настоящему всхлипывал, а крупные, с горох, слезы ползли по его покрасневшим щекам. Скривил лицо и теперь напоминал большого обиженного ребенка, награжденного попушением злой судьбы буйной бородой.

Что ж, скажем честно, Илоне повезло хотя бы потому уже, что похитил ее влюбленный юноша, а не старый богатый дворянин, который наверняка позабавился бы с ней, пока ему не надоело, а после утопил бы в ближайшем колодце.

А потом я задумался, было ли это вообще похищением. Конечно, вспоминая глуповатую мордочку Швиммера, трудно было поверить, чтобы Илона мечтала о совместном будущем с кем-то этаким. И все же я не раз и не два убеждался: сердца женщин бьются в непонятном для нас, мужчин, ритме, и непросто предвидеть, кому прекрасная госпожа дарует свое сердце.

– Кого-то убили? – спросил я.

– Нет, только избили. Но сильно, – проворчал он. – Я вымолил аудиенцию у бургграфа, но тот лишь посмеялся...

Ясное дело. Если бы господин бургграф занимался каждым похищением в Хезе, то ему осталось бы мало времени для прочих дел. У него и так хватало проблем с тонгами и жаковскими братствами, которые по ночам устраивали такие заварушки, что улицы нашего славного города были словно охвачены гражданской войной.

– Вы узнали что-то от своих людей? Позвольте мне их допросить? – спросил я.

– Нет-нет-нет! – взмахнул он широкими рукавами кафтана. – Господи, нет! Уж поверьте, я расспросил их со всеми необходимыми подробностями.

Я был уверен, что Лойбе руководствовался добрыми намерениями. Однако человек несведущий в деле проведения расследований многое мог счесть несущественным – на первый взгляд. Тем не менее решение было за ним, и я прекрасно понимал, что он не хотел, чтобы инквизитор допрашивал людей, связанных с его домом.

– Тогда позвольте расспросить вас, – сказал я. – Как это произошло? Где?

– Ну, на улице. На рынке, в толпе. Напали втроем, схватили мою Илоночку. Сбили тех, кто пытался ее защищать. Служанке, как начала дергать их и кричать, дали палкой по голове...

– Знаете, как выглядели нападавшие? Как были одеты? Говорили ли что-то?

– Лица закрыли капюшонами, к тому же был уже вечер... Ну, в смысле, те двое, поскольку Швиммер не скрывался. У них под плащами были припрятаны палки – оглушили ими моих людей. Были большие, сильные...

Ясное дело. А какими еще они могли быть, с точки зрения избитых стражников? Мелкими и слабыми?

– Как были одеты? – повторил я. – Бедно? Богато? А может, были ряжеными?

Он пожал плечами, будто мои вопросы заставляли его нервничать.

– Обычно, – ответил. – Ага, и еще: у обоих были светлые волосы...

– А можете дать мне другую информацию? Кто-то заметил что-нибудь особенное? Прохожие? Лавочники?

Он покачал головой.

– Нет. Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал.

– Как всегда, – вздохнул я. – Что ж, позвольте ознакомиться с вашим предложением.

Я наклонился, поднял кошель (тот и вправду был приятно тяжеленьким) и развязал его. На стол хлынул поток золота. Ха, золота! Выходит, карманы у Лойбе не узки и он не жмотится, когда речь идет о его дочери.

– Дам вам еще два таких кошелька, только верните ее целой и невредимой. А еще два таких же, если, – глаза его сузились в щелки, а в голосе я услышал холодную ненависть, – если, никому о том не говоря, доставите мне Швиммера. Живым.

Охо-хо, подумалось мне. Наверняка молодой Йоханн не познает быстрой и безболезненной смерти – стоит ему лишь попасть в нежные объятия Лойбе.

– Сделаю, что в моих силах, – искренне заверил я его, поскольку он обещал мне истинное богатство. И если я мог за такую цену продать ему столь дешевый товар, как ничего не стоящая жизнь помощника актеров, то от такого обмена я отказываться не собирался.

* * *

Он высек огонь и поставил свечку на стол. Потом снял плащ, со вздохом поглядел на какое-то пятно на нем (некоторое время даже пытался отчистить, скребя ногтем) и наконец повесил плащ на спинку кровати.

– Привет, Хайнц. – Я скрывался в тени, но он узнал мой голос и дернулся, словно хотел сбежать.

Я сделал пару шагов, преграждая путь к двери.

– Нет-нет-нет, – сказал. – Давай не будем ни кричать, ни убегать. Поговорим как друзья.

– Я ничего не знаю, господин Маддердин. Мечом Господа нашего клянусь, что ничего не знаю... – В голосе его я услышал страх. И правильно, инквизиторов следует бояться. Это позволяет прожить в их обществе подольше.

– И о чем вы ничего не знаете, господин Риттер? – спросил я.

Он со вздохом уселся на табурет и налил себе вина из бутылки. Рука его тряслась так сильно, что половину разлил.

– Думаете, я не понимаю, зачем вы пришли? Лойбе вас купил, верно?

– Инквизитора нельзя купить, – пояснил я ему ласково.

– Да-да, извините... Мне стоило б, сто чертей меня подери, бежать из города... Надо же было такому... Но что бы вы ни сделали, я ничего вам не скажу, потому что ничего не знаю... Да вы ведь и сами видели, – он поднял на меня взгляд побитого пса, – видели, что я не любил этого Швиммера.

– Когда б вы ничего не знали, то и не боялись бы так, – сказал я.

– Боюсь, что вы меня обидите, – ответил он искренне. – Боюсь не того, что я что-то знаю, а того, что вы не знаете, что я ничего не знаю... Вот только когда вы в этом убедитесь – от меня мало что останется.

Я рассмеялся.

– Хайнц, Хайнц, Хайнц. – Я подошел и похлопал его по плечу. – Полагаешь, я бы хотел лишиться мир твоего таланта? Я что, кажусь неразумным убийцей? Вы – мой друг, господин Риттер, и в случае чего я бы постарался помочь вам выпутаться из проблем. Конечно, – усмехнулся я, – я посчитал бы невежливым, когда б вы отвернулись от протянутой руки. А сейчас я хочу, чтобы ты мне помог, Хайнц. И тогда, возможно, часть золота из запасов Лойбе осядет и в твоём кошельке.

– И много вы получили? – оживился он. – О, простите, мне не следовало спрашивать...

Я рассмеялся, поскольку Риттер проявил нахальство такого рода, которое меня не только не злило, но и слегка забавляло. И я всего лишь надеялся, что он знает, где проходит граница, за которую не следует заступать.

– Ну там больше обещаний, – сказал я. – Но задаток был существенным. Так что? Поговорим о Йоханне.

– И что я должен сказать? – Он пожал плечами. – Выпьете?

Я кивнул, а он потянулся за вторым кубком. Когда его наполнял, рука тряслась уже чуть меньше.

– Если б я что-то знал, то раньше или теперь сам бы рассказал Лойбе, – сказал он, и мне показалось, что я слышу искренность в его голосе.

– А девушка могла с ним сговориться?

– Любила его, – сказал он, помолчав. – Но, понимаете, так, как любят хромого пса. Сегодня кинет ему пару-другую объедков, завтра погладит... Она всегда была любезной – но она была любезной со всеми. Головой Вельзевула клянусь, мне жаль...

– Уж лучше говорите «мечом Господа клянусь», или «гвоздями и тернием», – проворчал я и уселся на сундук у кровати. – Лойбе говорит, что молокосос был не один. Кто дружил со Швиммером? Никто из ваших не пропал в то самое время? Пусть даже на пару дней?

– Нет. – Прежде чем ответить, он некоторое время размышлял. – Ничего такого.

– Что-то вы мне не помогаете...

– Потому что ничего, Богом живым клянусь, не знаю! – едва ли не крикнул он. – Ходили слухи, то тут, то там...

– И что говаривали? – прервал я его.

– У Швиммера была... была... – он щелкнул пальцами. – Как это называют, когда некто хочет чего-то и пытается достичь этого любой ценой?

– Мания?

– О, точно! – обрадовался он. – Именно мания, вы верно сказали. Я ведь говорил уже, что у вас очень богатый словарь и мудрейшие мысли. Вы никогда не думали попробовать силы в...

– Хайнц, – оборвал я его. – Какая мания?

– Ах да, простите... Ну он хотел лишиться ее девственности. Представляете?

Я вполне себе представлял, хотя обычно о таком мечтали люди несколько более в возрасте. Это для них привозили с юга малолеток, смуглых девиц и продавали по невероятным ценам. А порой – и по несколько раз, поскольку девицы быстро учились, как изображать телесную невинность.

– И откуда вы об этом знаете?

– Да он что-то кому-то сболтнул за пивом. – Риттер махнул рукой. – Но не знаю, есть ли в этом хоть какой-то смысл.

– Поиски смысла оставьте мне, – сказал я и отпил из кубка винца.

Было оно не самым лучшим, слегка кисловатым, но ведь и Риттер, как водится, не сорил деньгами.

– Откуда он вообще взялся в Хезе? Родился здесь или прибыл из провинции?

– Пожалуй... – Риттер макал пальцы в разлитое по столу вино, – ...приехал. Да, наверняка, но уже давно. Родители владели мельницей или чем-то таким, но лишили его наследства или как-то так...

– Вот видите, сколько всего вы знаете, – усмехнулся я. – А теперь еще если б вспомнили, из какого селения приехал... Только, прошу вас, не выдумывайте, поскольку, если я совершу бессмысленное путешествие, вернусь в Хез очень и очень недовольным. А когда я недоволен, мое врожденное человеколюбие усыхает, будто цветок без орошения.

– Ну вот, – взглянул он на меня. – А я о чем! Я же говорил, что вы красиво говорите? У меня глаз-алмаз, господин Моддердин, воистину глаз-алмаз.

– А кто может это знать? – Я не обратил внимания на его замечания. – С кем Швиммер пил? С кем ходил по девкам? С кем беседовал по душам?

– К девкам он не ходил, по душам ни с кем не беседовал, – пробормотал Риттер. – Такой себе... нелюдим. А пил обычно с одним таким же... – он прищелкнул пальцами, будто вспоминая. – Не освежите ли мою память? – спросил с хитринкой.

– И почему я тебя так люблю, Хайнц?

Я вздохнул и вынул из кармана монету. Отправил ее по столу к нему. Та остановилась в луже вина, но прежде чем упала, Риттер ловко поймал ее двумя пальцами.

– Алоис Пимке, – сказал невнятно, поскольку проверял, прикусывая, денарий. – Крутился здесь и там, иногда помогал нам с декорациями. Но он-то никуда не исчез, господин Маддердин. Я его вот сегодня видел в корчме.

– И где найти этого Пимке?

– Поищите «Под Рылом и Хвостом» или «Под Канатоходцем». Или в «Грудастой Шалунье».

– Хайнц, Бог мне свидетель, если ты все это выдумал, я сдеру с тебя кожу. А вообще-то лучше будет, коли пойдешь со мной. Ты ведь этого Пимке знаешь, сумеешь мне его показать.

– Вот уж что нет – то нет, – встревожился он. – Только этого мне не хватало, чтобы по городу пошел слух, будто я доношу Святому Официуму.

– Хайнц, мы попросту пойдем напьемся, – пояснил я. – А как покажешь этого Пимке – спокойно вернешься домой. Да и Инквизиториум ничего общего с этим не имеет. Это приватное дело.

– А если я не соглашусь?

Я знал множество способов, чтобы превратить смелых или наглых людей в необычно стоворчивых, почти покорных. Но я не желал пугать Риттера, который и так не слишком-то радовался, что похищение Илоны приобрело для него смысл иной, нежели будоражащие сплетни в корчме.

– Тогда, мастер Риттер, я – будто невзначай – вложу в некоторые уши слушок, что вы агент Инквизиториума. И притом – чрезвычайно преданный агент...

О чудо, он рассмеялся и даже хлопнул себя по колену. Но потом глянул на меня чуть мрачно. Видно, понял, что такая сплетня может пойти гулять в любой момент и что ему тяжело будет ее опровергнуть, особенно принимая во внимание тот факт, сколько раз нас видели вместе. Таков уж, увы, наш мир, где информаторы Святого Официума не могут гордиться своими добрыми делами, более того – должны их тщательно скрывать. Я мог этому факту сочувствовать, но не мог его не использовать.

– Хорошо, – сказал он неохотно, поскольку – а какой имел выбор-то? – Однако соглашаюсь я только оттого, что испытываю к вам чувства, которые мне тяжело объяснить... Но, – поднял он указательный палец, – светлейшему императору будет одиноко без брата-близнеца.

- Получите вторую монету, когда укажете мне на Пимке. С какого кабака начнем?
- Две монеты, – быстренько отозвался он. – А начнем с «Канатоходца», – добавил, потирая верхнюю губу.
- Наибольшие шансы, что будет именно там?
- Не-е-ет, – протянул он с озорной усмешкой. Как видно, к нему быстро возвращался юмор. – Там варят лучшее пиво!
- Он вложил монету в мешочек за поясом и забросил на плечо плащ.
- Ну а я уже полагал, что просижу ночь в печальном одиночестве, – сказал, довольный собою. – Только молю: не выдайте меня, а? Что это я?
- Как думаете, господин Риттер, много ли людей готовы были бы помогать мне, если б я болтал в трактирах о тех, кто поставляет мне информацию?
- Тоже верно. – Он допил остатки вина – прямо из бутылки – и глубоко выдохнул. – А не задумывались ли вы, господин Маддердин, почему Лойбе обратился к вам так поздно? – спросил уже с порога. – Уже ведь вторая неделя идет, как Илона исчезла.
- Наверняка я оказался для него необходимым злом, – пожал я плечами. – Когда все прочие возможности были исчерпаны...
- А вот я сразу же о вас бы подумал.
- Спасибо, Хайнц. Пойдем уже.

* * *

Наконец мы попали в «Грудастую Шалуню», а поскольку она оказалась третьим трактиром, который мы навестили, Риттер был уже на бровях (пытался драться с какими-то дворянами, и только мой призыв к уважению Святого Официума разрешил проблему). Название совмещенного с гостиницей трактира происходило от большой вывески, на которой была намалевана широко улыбающаяся девица с огромной, едва прикрытой грудью. Я знал, что стража епископа пыталась потребовать от владельца закрасить эту грудь, но тому как-то удалось выскользнуть, и сей необъятный, едва прикрытый бюст остался, где был.

История названий гостиниц, таверн, кабаков и забегаловок всегда была мне интересна. Временами причиной названия была лишь ассоциация: ну нарисовали вывеску с рослой девицей – и возникла «Грудастая Шалуня». Но вот, например, название «Под Канатоходцем» появилась оттого, что некий циркач натянул свой канат рядом с трактиром (который в ту пору еще носил название «У Красного Шнобеля»), но, когда в него ударило метко пущенное кем-то из публики яблоко, рухнул на землю и сломал себе шею. Что чрезвычайно порадовало зевак, а владельца корчмы навело на мысль, что по случаю столь счастливого события стоит сменить название.

Временами названия гостиниц могли и обмануть простодушного наблюдателя. Вот, например, «Под Разъяренным Львом» получила название не в честь жестокой заморской твари, но в честь господина барона Сапинде, чьим гербом был красный лев на белом поле, – господин барон имел привычку разрушать спьяну всякий трактир, в котором оказывался. Владельцы, впрочем, не слишком обижались, поскольку кошель у господина барона был столь же тяжелый, как и его рука, и убыток щедро вознаграждался.

Так или иначе, но на Алоиса Пимке мы наткнулись именно в «Грудастой Шалуне»: когда мы вошли, тот как раз блевал под стол, на что, казалось, его приятели не обращали никакого внимания. Кабак был набит битком и насквозь пропитан вонью, в которой смешалось все: смрад пригоревшей еды, амбре блевотины, разлитого пива, потных тел да несвежей одежды. Мой несчастный нос был поражен еще на пороге, но я лишь поморщился, поскольку следовало отрабатывать гонорар от Лойбе. Впрочем, из собственного опыта я знал, что даже самое тонкое обоняние рано или поздно привыкает к отвратительнейшим запахам и что человек снесет

даже погружение в свиное гноище (конечно, если не захлебнется). Ах, бедный Мордимер, чего только не довелось тебе вынести, чтобы заработать на корочку хлеба и глоточек воды!..

– Так я пошел! – крикнул Риттер мне на ухо, почти неслышно в шуме зала.

– Ступайте, ступайте, – ответил я. – Встретимся завтра, и тогда отдам вам остальные деньги.

Я не представлял, выручит ли меня обещанная драматургу сумма, но ведь нужно было с чего-то начинать, а Пимке вполне мог оказаться мостиком, способным привести меня к Швиммеру. Я протолкался сквозь толпу и походя сбросил с табурета седого карлика, сидевшего подле Пимке. Карлик упал под стол, свернулся в клубок и тотчас уснул, прижавшись к моим ногам. Я лишь надеялся, что он не обрыгает мне сапоги.

Тем временем Алоиса Пимке стошнило в последний раз, и он, кривясь весьма болезненно, выпрямился, отирая рот рукавом. Я отметил, что рукав тот покрыт желтоватыми заскорузлыми потеками – как видно, результатами иных таких же посиделок.

– Не п'шло, – пробормотал Пимке и отрыгнул.

Приятель Швиммера был человеком, которому прекрасно подходило определение «никакой». Лицо и фигура совершенно не запоминающиеся, один из тысяч ничего не значащих обитателей Хез-хезрона. Светлые, редковатые волосы, бледное, покрытое прыщами лицо, курносый нос, водянистые глазки.

И сейчас эти глазки пялились в меня с неким неуверенным интересом.

– Йоргус? – спросил он, опасно покачиваясь. – Это ты, Йоргус?

Я поддержал его за локоть.

– Сколько лет, братка! – усмехнулся широко.

– П'ставь мне бутылочку, Йоргус, – пробормотал он.

Ни шум, господствующий в комнате, ни состояние Пимке не оставляли мне надежд, что я смогу вот прямо сейчас поговорить о Швиммере.

– У меня малехо деньжат! – крикнул я ему в ухо. – Сходим к девочкам?

– К дев'чкам? – обрадовался тот. – Пшли!

Вскочил, но мне пришлось его придержать, чтобы не опрокинулся на стол. Самому столу, правда, навряд ли бы что сделалось, поскольку владелец рассудительно приколотил его ножки к полу, но мне не хотелось рисковать и обращать на нас внимание остальных посетителей. Впрочем, в этот зал пришлось бы слона ввести, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание.

С грехом пополам мы все же добрались до выхода, а мне ведь нужно было не только проталкиваться сквозь толпу, но и тащить за собой Пимке, ноги которого не поспевали за остальным телом.

Наконец мы вышли за порог, на свежий воздух. Если, конечно, свежим воздухом можно было назвать царивший здесь смрад мочи и кала, ведь гости не слишком утруждали себя далекими походами, чтобы удовлетворить свои физиологические нужды.

– Дев'чки, дев'ки, мы идем к д'вчкам, – хвастался Пимке проходившим мимо мужчинам.

Рыжебородый худыш с лисьим личиком и неожиданно трезвыми глазами повернулся к нам.

– А может, с нами? – предложил зазывающе. – Знаю один милый домик...

– Шагай-ка, братка, куда шел, – сказал я холодно, – если не хочешь проблем.

Он потянулся к поясу – видимо, за ножом, но сперва глянул мне в глаза – и, должно быть, что-то в моем лице его остановило. Отступил на шаг.

– Да пусть валят, – сказал он своим товарищам, которые уже начали заинтересованно на нас поглядывать.

Я холодно улыбнулся ему, поскольку не был равнодушен к людям, чувство самосохранения которых не подводило и перебарывало амбиции. Кроме того, не хотелось мне оставлять

за собой трупы, ведь Господь даровал мне умение и силу не для того, чтобы я применял их в кабацких драках.

Но как бы там ни было, Алоиса Пимке хватало лишь на то, чтобы путаться под ногами, валиться в грязь и бормотать: «Иде те д'вчки, Йоргус?» Я решил отвести его в гостиницу «Под Быком и Жеребчиком». Понятное дело, я не имел намерения делить с ним свою скромную комнату, ибо это было бы, невзирая на мою человеколюбивую природу, проявлением чрезмерного милосердия. Я рассчитывал, что Корфис запрет Алоиса в кладовой или подвале и завтра я смогу спокойно допросить его, когда он хоть маленько протрезвеет.

* * *

Корфис не был доволен, когда я заставил его превратить кладовую в камеру для Пимке. Бурчал что-то вроде: «Мало у вас в Инквизиториуме казематов, что теперь понадобился еще и мой подвал?» – но я пропустил его желчные замечания мимо ушей. В подвал же я спустился лишь следующим полуднем, поскольку желал отоспаться после непростого вечера. Впрочем, Алоис Пимке тоже спал, привалившись к стоящим у стены доскам, и я отметил про себя, что он – человек, не обделенный удачей, поскольку именно удачу, полагаю, он и должен был благодарить за то, что не выколол себе глаза торчавшими из досок гвоздями. Но, конечно, удача могла в два счета покинуть Пимке, если его ответы на мои вопросы меня не удовлетворят.

Я поставил подсвечник на пустую бочку из-под оливок (в подвале, правда, были небольшие оконца, едва выступавшие над поверхностью земли, но их тщательно заколотили досками) и разбудил Пимке пинком под ребра. Тот застонал и захлопал ресницами. Потом свернулся и захрапел снова. К счастью, я предвидел такой поворот дела и притащил ведро ледяной воды, которое теперь выплеснул на Алоиса. Тот заверещал и вскочил на ноги, таки разодрав себе щеку о торчавший из досок гвоздь.

Что ж, выходит, удачи у него чуть поменьше, чем мне сперва показалось.

– Ч-ч-что такое?! – крикнул он и обвел комнату безумным взглядом, который в конце концов уперся в меня. – Я тебе, сука, счас... – добавил Пимке со злостью, когда увидел ведро в моих руках и понял, что именно я был причиной его холодной купели.

Я же ударил его под правое колено, а когда ноги его подогнулись, добавил крепкий пинок в брюхо. Пимке застонал и сбил себе на сапоги.

– Фу, – сказал я. – И как можно так вот вести себя в гостях?

Он отполз настолько далеко, насколько сумел, пытаясь забиться от меня в самый дальний угол. По расцарапанной гвоздем щеке текла кровь.

– Алоис Пимке, не так ли? – спросил я.

– Нет, – ответил он рассерженно. – Не знаю никакого Пимке! Я – Тобиас Шуле, сукин ты сын!

Человек с хорошим слухом и имеющий некоторый опыт в допросах не мог не отметить, что после слова «я» проскользнула едва заметная пауза, словно мой собеседник не сумел с первого раза вспомнить свое имя. Поэтому я шагнул и наступил ему на руку – ту, на которую он опирался. Покрутился на пятке, а вой Пимке заглушил хруст костей.

Я сошел с его руки, и он расплакался, прижимая ладонь к груди.

– Скотина! Ты мне пальцы сломал! – всхлипнул.

– Алоис Пимке, не так ли? – повторил я вопрос.

– Да, да, Пимке, сукин ты сын! Чего от меня хочешь? Что я тебе, денег должен?

Я присел подле него на корточки, а он постарался вжаться меж бочками, плотно поставленными у стены. Ясное дело, это ему не слишком удалось.

– Алоис, давай договоримся, – сказал я спокойно. – Я стану задавать вопросы, а ты станешь на них отвечать, стараясь одновременно не оскорблять Господа богохульствами. Если не

будешь выполнять эти правила, я сломаю тебе вторую руку. А потом займусь другими деликатными частями твоего тела. Если же будешь вежлив, выйдешь отсюда и залечишь раны вином. Ты меня понял?

Он всматривался в меня расширившимися от страха глазами – и молча, но потом резко кивнул. Забавно, но мне показалось, что его страх достиг предела, когда я попросил его не оскорблять Господа. Может, в нетрезвой голове замаячила наконец-то догадка о том, с кем он, собственно, разговаривает?

– Хорошо, что мы начали друг друга понимать, – сказал я сердечно. – Хотелось бы еще, чтобы ты отвечал на мои вопросы согласно с истиной, поскольку, заметь, что и Писание устами святого Иоанна в мудрости своей гласит: «Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине»³. Верно?

– Да-да-да, – прохрипел он.

– Знаешь некоего Йоханна Швиммера?

– Знаю, господин, но какое ж это знание, мы просто иногда...

– Хватит! – Я поднял ладонь, а он устался на нее с искаженным от страха лицом. – Наводнение может быть настолько же несносным, как и засуха, драгоценнейший Алоис.

По глуповатому выражению на его лице я понял, что он не уразумел и не оценил моей легкой, забавной и весьма уместной метафоры.

– Не говори много, просто отвечай на вопросы – кратко. Понял? Прекрасно! Сколько Швиммер дал тебе за помощь в похищении Илоны Лойбе?

– Нет! – воскликнул он – и вот теперь был напуган по-настоящему. – Это не я, господин, жизнью деток клянусь!

– А сколько их у тебя?

– Трое, господин, трое да еще и женка хворающая... – Он прервал себя, поскольку наверняка вспомнил, что я говорил насчет чрезмерного говорения.

Забавно, у них всегда трое деток. Что это, неужто магия какая-то?

– Мне сломать тебе вторую руку? – спросил я.

– Нет, господин, молю, я не похищал той девушки, Бог мне свидетель. – Слезы на его щеках мешались с кровью и стекали по подбородку. Выглядел он жалко.

– Странно, – проговорил я задумчиво. – А мне говорили, что ты был одним из двух мужчин, которые побили охранников и забрали девушку.

– Нет, господин, о нет, это был не я! Чтобы я кого-то побил? Вы ж гляньте, как сами сумели со мной справиться – нисколько не напрягаясь...

Не укрылось от меня, что, несмотря на свое положение, он был способен находить разумные аргументы в свою пользу, а значит, обладал должной проворностью разума (или все же мощным чувством самосохранения?). Конечно, я с самого начала был почти уверен, что с похищением он не имеет ничего общего. И радовался, что первое впечатление меня не обмануло: Пимке не походил на похитителя.

– Говорили, что тебя хорошо рассмотрели, – все же сказал я, чтобы на него надавить, а он снова разрыдался и забормотал что-то неясное сквозь прижатые к лицу ладони.

– Но если не ты – то кто тогда? – спросил я. – Я вполне мог бы тебе поверить, – добавил я, будто размышляя, – но мне нужно найти истинных виновников. Слушай, Алоис, твой приятель обвиняется в ереси. Следует ли мне отправить тебя в подземелья Инквизиториума и подвергнуть официальному допросу – или ты предпочел бы поговорить со мной по душам здесь и сейчас?

– О Господи Боже мой! – застонал он. – Йонни – еретик? Вы ошибаетесь, господин...

– Обвиняешь меня во лжи? – процедил я с ядовитой сладостью в голосе.

---

³ 3-е Иоанна, 1:4.

– Нет, господин, Богом клянусь... – меж пальцев его текла кровь, смешанная с соплями. – Может, и был, может, и был, откуда ж мне знать...

– Ты ведь знаешь, кто с ним был, верно?

– Нет! Ничего не знаю!

– Алоис, ты ведь помнишь, что Мудрая Книга гласит: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня»⁴? Неужели ты не хочешь рассказать мне всю правду о человеке, которого, как утверждаешь, едва знаешь? Или так мало значит для тебя Господь Бог всемогущий?

Он повалился мне в ноги, обнимая стопы, и уткнулся в сапоги.

– Отпустите меня, господин, невиновен я... – забормотал.

Я вырвался из его хватки и отступил на шаг. Когда же он поднял голову, я пнул его носком сапога в верхнюю губу и сломал носовой хрящ. Он завыл и схватился за лицо. Отполз снова под бочки, рыдая и причитая.

– Мне не нравится причинять тебе боль, но вижу, что мне придется всерьез взяться за работу.

– Не-е-ет!!! Господи, не-ет!

Я присел рядом и крепко прихватил его за плечо:

– Смотри на меня, Алоис! – приказал ему твердо. – И помолчи! – Я ударил его ладонями по ушам.

Он втянул с болезненным всхлипом воздух и замолчал.

– Я разговариваю с тобой здесь и сейчас только потому, что все говорят: ты человек честный и достойный уважения. Но я всегда могу взять тебя в подвалы Инквизиториума. А знаешь ты, что происходит с телом человека, когда его рвут раскаленными до красноты щипцами? А видел ты машинку для ломания костей, которая действует столь хитро, что кровь выдавливается вместе с костным мозгом? А знаешь, как танцует человек, поставленный на раскаленное железо?

– Прошу-у-у-у... – выдавил он из себя.

– Не позволяй мне сделать это, Алоис. Не вынуждай причинять тебе боль, – произнес я голосом предельно ласковым. – Кто был со Швиммером?

– Може-ет, его-о бра-а-атья-а-а, но я-а-а не зна-а-аю-у-у...

– Братья? Какие еще братья? Откуда взялись в Хезе?

– Из их села-а-а...

– Как называется? Только не пытайся меня обмануть, Алоис.

– Как-то оно... почти вспо-о-омнил...

Я видел, что он правда старается вспомнить, но ошеломлен страхом и болью, поэтому я решил дать ему минутку передышки. Отошел в сторону и присел на крышку забитого гвоздями сундука.

– Вспоминай, – сказал спокойно. – Получишь пару грошиков на вино – и забудешь обо всем этом. Спокойно, Алоис, у нас полно времени... Швиммер рассказывал тебе о своем селе?

– Да, господин. Как-то, кажется, Зитен, или Зитгард, или Зайнен. Как-то так...

– А какой город там неподалеку?

– Готтинген, господин! – выкрикнул он. Вскинул ко мне покрытое кровью лицо – и сейчас на лице этом проступила радость. – Господом Богом... Готтинген! Говорил, что на ярмарку туда ездил.

Ну это уже было что-то. Готтинген лежал в пяти-шести днях дороги от Хеза и был крупным торговым городом. Была у него своя крепость, и, насколько я помнил, находилось там одно из локальных отделений Инквизиториума. Принимая во внимание это, а также факт, что

---

⁴ Мтф., 10:37.

сельцо Швиммера звалось как-то на «З» и что родственники Швиммера владели мельницей, уже можно было попытаться найти место его рождения.

Вопрос был лишь в том, не приведет ли все это меня в тупик. Ведь Швиммер вовсе не обязательно прячется в родимых местах. Интересно и то, как он сумел перевезти девушку по трактам, что патрулировались людьми епископа, стражей местных феодалов и юстициариями. Ему понадобилась бы повозка, а Илону пришлось бы прятать среди товаров.

Но откуда бы такой бедняк, как он, нашел деньги на исполнение столь дорогого и сложного плана? Нет-нет, это почти наверняка был тупик. Вот если бы сельцо Швиммера оказалось в дне дороги от Хеза, ну пусть даже в двух днях, – тогда стоило бы рассуждать о таком способе транспортировки девушки. Но за шесть дней путешествия его, несомненно, схватили бы. Разве что Илона знала обо всем и на все согласилась, а этот весьма неправдоподобный вариант я, как ни крути, не мог исключить окончательно.

Получалось, что я совершенно зря напугал Риттера и Пимке и что ответы необходимо искать в Хезе. Разве что... возможно, братья Швиммера помогли ему с похищением, а потом просто вернулись домой. Сам же Швиммер спрятался с Илоной в некоем тайном месте. Но в таком случае – кто б носил им еду? Ведь не настолько же он глуп, чтобы появляться на улицах? Даже если приготовил запасы заранее, на сколько дней бы их хватило? А ведь Хез – город весьма любопытных людей. А юноша и девушка, которые ни разу не покинули своей комнаты, разве не вызовут любопытство соседей? Особенно если Лойбе пустил слух насчет похищения дочки.

Я почесал в затылке, поскольку дело, о котором полагал, что его можно решить в два счета, становилось все сложнее. А значит, отдалялось и получение моего гонорара.

– Как выглядят братья Швиммера?

– Да что я, смотрел на них? Я только раз на них наткнулся, когда они втроем шли куда-то. Такие, типа как он...

– Светлые волосы? Высокие? Плечистые?

– Вы их знаете, господин? – В его глазах отразилось удивление.

– Ну, Алоис, – сказал я, даже не собираясь отвечать на его вопрос. – Ты сумел послужить доброму делу. А теперь – вали отсюда!

Я сунул руку в карман и бросил ему трехгрошик. Будет ему на пиво, чтобы подлечить последствия вчерашней ночи и нынешнего полудня. Он рассыпался в благодарностях и, согбенный, непрестанно кланяясь, взобрался по ступеням, после чего я услышал только быстрый топот его сапог. Для него дело Йоханна Швиммера уже закончилось. Правда, за свое знание о похищении он заплатил сломанным носом и пальцами, но можно сказать, что заплатил дешево. И вправду, сказано ведь: «Ничтожному опасно попадаться меж выпадов и пламенных клинков могучих недругов», как писал в одной трагедии мой приятель Риттер.

Выходя из подвала, я наткнулся на Корфиса, который стоял на пороге трактира с хмурым видом.

– Приветствую, – кивнул я ему.

– Мордимер... – Корфис снизил голос. – Видал я, как ты этого обработал. Не хочу, чтобы начали говорить, будто в моей гостинице такое происходит... Это что ж, подвалов у вас нет?

– Тебе стоило бы прикинуть затраты и выгоды. – Я равнодушно пожал плечами, поскольку и вправду были у меня куда большие проблемы, чем забота о мнении клиентов насчет корчмы Корфиса. – Ты ведь знаешь: мне руки будут целовать, чтобы дать место для жилья. – Я глянул ему в глаза. – Мне выехать, Корфис?

Он отвел взгляд и сплел пальцы так, что хрустнули кости.

– Нет, что ты, Мордимер, я вовсе не хотел тебя обидеть.

– Ну так пришли мне наверх бутылочку лучшего вина за счет заведения и забудь об этом разговоре, – сказал я, усмехаясь.

Я отправился на второй этаж, слыша только бормотание Корфиса – и было оно не очень-то вежливым. Впрочем, бутылку он не просто прислал – сам принес ее в мое скромное обиталище, чтобы мы могли поболтать за кубком-двумя неплохого пойла (пусть даже слово «неплохой» в этом случае и было изрядным преувеличением).

– Тяжелые времена, Мордимер, – вздохнул он, когда мы чокнулись кубками. – Налоги растут, клиентов все меньше, так и по миру можно пойти...

– Ага, прямо вижу это... – пробурчал я и опорожнил кубок.

Потом достал с полки копченую колбасу и сыр, что остались после завтрака. Мы закусили и выпили еще по кубку. Эта порция уже пошла чуть лучше, чем предыдущая.

– Так и есть, – отер он усы. – Епископу плати, императору плати, цеховые взносы – плати... – прервался на миг. – Парням из города – плати... – Он махнул ладонью. – Вот она, жизнь.

– И ничего с ней не поделать. – Мы снова чокнулись.

Допили бутылку, и Корфис крикнул вниз, чтобы принесли еще пару. Слуга же принес не только питье, но и виноград с апельсинами.

– Все дорожает, – вздохнул Корфис, глядя на миску с фруктами. – А епископ желает еще ввести и налог на двери. Представляешь?

– Как это – на двери? – спросил я удивленно, поскольку человеку со столь мизерными доходами, как у меня, размеры и особенности налогов мало что говорили.

– Да вот так. Если держишь лавку, трактир или мастерскую, посчитают у тебя каждую дверь. Дороже будет, если выходит прямо на главную улицу, как оно обычно и случается, дешевле – если на какой-нито закоулок...

Я рассмеялся, хотя моему хозяину наверняка было не до смеха.

– Но у тебя же есть выход как раз на закоулок, – сказал ему.

– Ага, но он же не в зал, а на склад и в подвалы.

– Ну так замуруешь главные двери, вместо них поставишь вывеску с указателем, где искать вход, а вход сделаешь с закоулка, – пожал я плечами. – В чем проблема?

Он глянул на меня с удивлением.

– А ведь точно, Мордимер, – покачал головой, будто в недоверии. – Видать, сделаю, как говоришь.

– И не ты один, если я знаю жизнь... А епископ тогда введет налог на вывески, – я засмеялся, поскольку подобная идея показалась мне забавной. – Так уж оно сложилось. Власть старается выжать с нас денюжки, а мы от этого уклоняемся. – Я снова пожал плечами. – Честные люди никогда не будут при власти, и знаешь почему? – Видать, меня охватило философское настроение, и я решил ему поддаться.

– Ну? Почему?

– Потому что честные люди желают зарабатывать на хлеб насущный собственным трудом, а те, кто правит, жаждут получать доход, используя тех, кто работает. Потому что ничего другого они не умеют – только толковать дурные законы и вводить новые налоги, чтобы можно было побольше украсть. И чем больше воруют, тем больше их аппетит.

– Ш-ш, – прошипел Корфис. – Говоришь о епископе, – прошептал беспокойно и огляделся, словно кто-то мог нас здесь подслушать.

– Обо всех. – Я махнул рукою. – Давай лучше напьемся, а то я доболтаюсь.

– Проблемы? – спросил он пронизательно, когда мы в очередной раз опорожнили кубки.

– Чую, что большие деньги уходят у меня из-под носа.

– Ну, случается. Нынче человек веселится, а завтра черви жрут его в могиле...

– Если у него кто найдется, чтобы ту могилу выкопать, – вздохнул я.

– Я тебе выкопаю, – пообещал Корфис в пьяном умилении. – Хотя не сказать, что денег у меня куры не клюют – а у кого клюют? Но чего не сделаешь по дружбе...

– Весьма мило с твоей стороны, но не спеши, будь добр, с копанием могилы... – заявил я, а потом что-то в словах Корфиса меня дернуло. – Ну-ка, повтори, что ты там сказал?

– Я? – удивился он глупо. – А! Ну что все ради дружбы... – Он задумался на миг. – Ну почти все...

– Нет, нет, раньше, что мало у кого денег куры не клюют?

– Верно, мало у кого, – покивал Корфис печально. – Налоги, Мордимер, налоги. Выпьем!

Я отхлебнул, но машинально, ибо в голову мою пришла некая идея. Не Риттер ли случайно употребил почти те же самые слова, когда говорил об Андреасе Куффельберге – актере, играющем роль рыжебородого варвара, Танкреда? И разве не вспоминал, что тот – единственный человек во всей труппе, кому повезло? А ранее вспоминал, что Куффельберг происходит из купеческой семьи... Не мог ли именно Андреас помочь с деньгами Йоханну Швиммеру? Ха, наверняка сумел бы это сделать, но – захотел бы? Я знал, что проще всего проверить мои подозрения на месте. Возможно, я был лишь утопающим, что хватается за соломинку, но я также понимал и то, что без денег в Хезе не сделать совершенно ничего. Если сумею проследить, откуда Швиммер получил деньги, быстро узнаю, где укрывается, независимо от того, вернулся ли в родное село или же затаился где-то в городе.

– Лей, Корфис, – приказал я тоном повеселее. – На погибель мытарям.

– Чтоб их на части порвало, – поддержал он.

– А то. А когда встанут пред престолом Господа, то пусть Он в мудрости своей отсчитает им налог со всех человеческих обид, которые причинили.

Корфис глянул на меня с удивлением в мутных уже глазках.

– Вот как скажешь ты что-то, – покачал головой. – Ну пусть их зараза пожрет!

* * *

Я опасался, не окажется ли мастер Риттер в компании одной из многочисленных поклонниц его таланта, но, к счастью, эту ночь он провел в одиночестве. Громко храпел, выпуская воздух с протяжным свистом, а у кровати стояла полупустая бутылка вина, прикрытая заливчатой шапкой с цветным пером. Рядом лежала надъеденная сочная груша. Конечно, я мог присесть на стул и подождать, пока драматург проснется, однако посчитал, что времени на подобные церемонии нет. Поэтому легонько похлопал его по щеке.

– М-м, – пробормотал тот недовольно. – Не сейчас, Офка.

Офка. Ха, весьма приятное имя. Я похлопал его снова.

– Говорю же – нет. Мало тебе? – Риттер хотел перевернуться на другой бок, но я на этот раз дернул его за взлохмаченную бородку.

– Вот же холера! – сел он, раскрывая красные от перепоя и недосыпа глаза.

Увидел меня, и по выражению его лица я понял, что вовсе не такую картину ожидал он лицезреть.

– О мой Бог, – только и прохрипел Риттер, щупая рукой подле кровати.

Я вежливо подал ему грушу, но он лишь выругался, потому я потянулся за бутылкой. Вероятно, он искал именно ее, поскольку сразу сунул горлышко в рот и допил вино. Глубоко вздохнул, а я сморщил нос, ведь единственным способом ухода Риттера за своими зубами было, похоже, ополаскивание рта спиртным.

– Не ошиблись ли вы комнатой? – спросил он раздраженно. – Вижу, что мне стоило бы закрывать двери на щеколду.

– Что ж, – ответил я. – Мы обучены не беспокоить людей стуком.

– Весьма великодушно, – сказал он, поглядывая в окно. – Еще даже не светает. Бога в сердце у вас нет?

– Со всем почтением, хотелось бы задать вам несколько вопросов, – пояснил я вежливо.

– Ага, я видал нынче, как Пимке выглядел после ваших бесед... – Он глянул на меня внимательно. – Могли хотя б винца принести, – добавил.

– Простите, – развел я руками. – Поглощенный собственными заботами, не подумал о ваших. Но позвольте все же, я быстренько расскажу вам, зачем пришел, а потом вы снова уляжетесь спать...

Он кивнул.

– Мне удалось кое-что узнать о вашем коллеге, Швиммере. Он воспитан на околицах Готтингена, в нескольких днях дороги от Хеза, и у него есть как минимум два брата, которые, вероятно, помогали ему в похищении.

– Волшебнo, – пробормотал он.

– Я подумал было, что он направится с Илоной в родимую сторонку...

– Но интересно тогда, что вы ищете у меня?

– Дело в том, что до Готтингена несколько дней дороги, – продолжил я, не обращая внимания на его тон. – Как удалось бы довести туда девушку, которая, предположим все же, сопротивляется и не упустит случая выдать похитителя и освободиться? Вы ведь драматург – так ответьте мне.

– О, меч Господа, – простонал он. – Сейчас я лишь дьявольски сонный человек. А еще голова болит... Ну да ладно, попробую. Я бы связал девку, воткнул ей кляп в рот, погрузил на телегу, прикрыл бы какими-нибудь товарами, ночью давал бы что-то поесть... – Он пожал плечами и охнул снова.

– Наверняка она была бы в восторге, – усмехнулся я. – Но не в этом дело. Откуда бы вы взяли денег на телегу и лошадей?

– Одолжил бы?

– А у кого? Вот будь вы всего лишь помощником актеров? Человеком без имущества и перспектив?

– Если уж у него были братья, так, может, и приехали на телеге?

– Но ведь их отец, коли уж отлучил Швиммера от наследства, похоже, все держит железной рукою. Дал бы он сыновьям телегу, не зная, для чего она им нужна? Им нет необходимости ехать в Хез, в Готтингене тоже есть ярмарка. Тогда – что?

– Мечом Господа клянусь, увековечу вас в одной из драм – вот тогда-то и пожалеете! Чего вы от меня хотите?

– Думайте!

– Не хочу думать! – застонал он. – Спать хочу!

– А даже если он не направился домой под Готтинген, то и тогда ему понадобилось бы безопасное укрытие здесь, в Хезе, а значит – тоже какая-то наличность. Кто из ваших знакомых мог ему в этом помочь? У кого нет проблем с деньгами?

– О-о-о, – протянул Риттер, встав с кровати и глядя на меня внезапно просветлевшими глазами. – Понимаю, к чему вы клоните...

– Возможно ли это, Хайнц?

– Головой Вельзевула... – пробормотал он. – Повезло так повезло. Это возможно, господин Маддердин, чертовски возможно. – Риттер прервал себя на миг, подергал за бороду и закусил губу, будто раздумывая, сколько еще может сказать. – Андреаса с Йоханном объединяла особенная связь, – сказал он наконец. – По крайней мере, Андреас старался, чтобы эта самая связь их соединяла. Понимаете, о чем я?

– Видимо, о той отвратительной страсти, за которую справедливый Господь наказал жителей Содомы? – спросил я, не скрывая удивления, хотя знал: в актерском мирке случается такое, что можно бы ничему не удивляться.

– Именно, – ответил он.

– И Куффельберг помог Швиммеру в похищении и укрывательстве девушки за то, что Швиммер одарил его своей приязнью?

– Возможно.

– Это неправильно, Хайнц.

– Любовь, – вздохнул он так, будто это слово объясняло все.

– И откуда же у вас такое желание помогать, а?

– Раз уж вы встали на след, раньше или позже сами бы все поняли, – сказал он мне. –

Но поскольку я помог сэкономить вам время и усилия, то и вы наверняка выкажете мне благодарность тем или иным способом, – усмехнулся с усилием.

– Конечно, выкажу, – пообещал я. – Хотя не стану скрывать: вы могли бы поделиться со мной этими сведениями раньше.

– Я не доношу на коллег, – заявил он с достоинством.

– И никто бы не осмелился вас к этому склонять, – ответил я.

* * *

Риттер обстоятельно объяснил мне, где обитает Андреас Куффельберг. Была это менее богатая часть купеческого квартала, а тот располагался отчасти на одном из протоков, отчасти же – на острове, куда пассажиров перевозили паромом. Дом Куффельберга находился не слишком далеко от берега. Находился он на узенькой улочке, стиснутый другими зданиями так, что их обитатели могли бы пожать друг другу руки, выглянув из окна.

Хайнц несколько раз проводывал Куффельберга, потому пояснил мне, что в доме на первом этаже были кухня и столовая; на втором находились две небольших комнатки. Был еще подвальчик, куда, правда, Риттер не спускался, но знал о его существовании, поскольку хозяин, кроме прочего, держал там напитки.

Некоторое время я простоял, укрывшись в тени одного из переулков, наблюдая за входом. Но ничего не происходило. Никто не входил, и никто не выходил, я заметил только, как кто-то отворил ставню на первом этаже, но на втором они были заперты наглухо.

Скрывался ли за ними Швиммер со своей жертвой? Что ж, не оставалось другого выхода – только проверить. Я подошел к двери и стукнул молотком в виде львиной головы (а скорее, половины львиной головы, поскольку другая половина отсутствовала).

Через минутку я услышал шаги и голос старухи.

– Чего надо?

– К мастеру Куффельбергу с известием от мастера Риттера, – сказал я, принимая тон одновременно униженный и слегка нетерпеливый.

– Уже, уже... – Как видно, для женщины фамилия Риттера не была чужой, поскольку я услышал скрежет отодвигаемого засова.

Дверь отворилась, и на пороге я увидел старую сморщенную старушку, лицо которой напоминало смятую грязную простыню с козьими орешками. В роли козьих орешек выступали крупные бородавки, проросшие на ее лице с удивительной равномерностью. Я вошел, оттолкнув старушку.

– Где Куффельберг? – спросил на этот раз весьма резко.

Из комнаты вышел некий широкоплечий силуэт – и встал в тени. Однако тяжело было не распознать в нем Куффельберга, пусть даже щеки его теперь были гладко выбриты, а не украшены рыжей буйной бородой.

– Господин Маддердин? – В голосе его беспокойство мешалось с удивлением. Он шагнул мне навстречу. – Входите, прошу.

– Я хотел бы переговорить наедине, – сказал я.

Мне показалось, что он побледнел, но без слов указал на столовый зал, в котором рядом с огромным ложем свалена была куча актерского реквизита. Прикрыл за нами двери.

– Чем могу служить? – спросил.

– Где Швиммер? – Я решил ничего не смягчать.

– Ха, так вот почему вы здесь! – он хлопнул себя ладонями по ляжкам. – Люди Лойбе тоже меня об этом спрашивали. Я даже позволил им пройти по дому...

– А я и не говорю, что они здесь, – сказал я, – но поверь мне, Андреас, что для тебя будет лучше, если расскажешь всю правду. Помощь преступнику карается со всей суровостью закона, хотя известно мне и то, что Лойбе собирается законом пренебречь...

– Я ничего не знаю, – буркнул он. – Да и вообще – я тороплюсь на репетицию, поэтому, если не имеете ничего против...

Я не намеревался слушать дальше, поскольку его наглость оскорбляла мои чувства. Я быстро шагнул вперед и схватил его левой рукой за причиндалы, а правой – за горло, чтобы не смог крикнуть. Сжал его естество, словно кузнечными клещами. Куффельберг захрипел, не в силах вскрикнуть, а глаза его от боли чуть не вылезли из орбит. Я чуть ослабил хватку, поскольку хотел, чтобы он сосредоточился на смысле моих слов, а не на своем страдании.

– Жаль будет, если ты никогда уже не сможешь ничего всадить в задок молоденькому мальчику, верно? – спросил я его и снова сжал сильнее.

Однако сразу же снова ослабил хватку, поскольку не хотел, чтобы он сомлел. По щекам Куффельберга текли обильные слезы, а в глазах вместо удивления уже стоял ужас. Я принюхался.

– Обосрался, – сказал с отвращением.

Я оттолкнул его – и он упал под стену. Тотчас скорчился там, ухватившись руками за промежность. Я позволил ему немного повить и слегка поплакать, после чего присел над ним.

– Где Швиммер? – спросил, вытаскивая из-за голенища короткий, но острый кинжал – и стараясь, чтобы актер заметил этот жест.

– У-у-у-у се-ебя-а-а-а, – прохрипел сквозь слезы. – Где-то в селе.

– Рядом с Готтингеном?

– Зайцен, называется Зайцен!

Я мысленно выругался насчет памяти Алоиса Пимке, который, сделав три попытки, все три раза промазал. Разве что букву «З» запомнил верно.

– О-о-о, Иисусе, как болит...

– Заткнись, – приказал я. – А то заболит еще сильнее.

Он захлебнулся воздухом и собственными слезами.

– Не-е-ет, прошу...

Мольбы не произвели на меня впечатление, хотя я готов их выслушивать, когда вижу у просящего искреннее желание раскаяться. Я надеялся, что именно такое желание увижу и у Куффельберга, поскольку мне не хотелось растягивать следствие. Конечно, я знал людей, которые находили грешное удовольствие в мучении ближних, но сам я от таких склонностей весьма далек. Однако, если чье-то страдание способно привести меня к цели, не вижу причин, чтобы не возложить на свои плечи крест такой ответственности.

– Он похитил девушку или она уехала сама?

– Похи-итил, господин, похи-и-итил. Я предупрежда-а-ал его, но...

– С братьями?

– Да.

– И ты дал ему денег на лошадь и телегу? Спрятали девицу среди товаров?

– Откуда знаете?

Я ударил его тыльной стороной ладони в зубы.

– Вопросы задаю я, – напомнил ему.

– Да-да, телегу. Я одолжил ему телегу.

– А что получил взамен?

Он глубоко вдохнул, ничего не отвечая, и лишь скорчился еще сильнее, будто ожидая пинка.

– Впрочем, неважно. – Я ведь уже знал, что он получил взамен, поэтому поднялся. – Если у тебя есть еще что сказать, Андреас Куффельберг, говори сейчас. Потому что если я вернусь из Зайцена с пустыми руками – не мешкая, навещу тебя, чтобы продолжить наш милый разговор.

– Это все, что я знаю, клянусь! Найдете их там, господин.

– Для тебя было бы лучше, чтобы я и вправду их там нашел, – сказал я предельно серьезным тоном.

* * *

На подворье Инквизиториума в Хезе не только допрашивали обвиняемых или свидетелей. Здесь также жили инквизиторы, как ведущие следствие, так и те, что искали сосредоточенности в молитвенной тиши наших залов. Хезский Инквизиториум имел также хорошо подобранную библиотеку, хотя, конечно, она не могла соперничать с богатствами монастыря Амшилас. И все же собрание книг у нас было незаурядное, и в нем находились не только тома, посвященные религии, теологии или философии, но также куда более легковесное чтиво. Кроме того, Инквизиториум славен своими картами. Наши картографы исследовали и описали весь известный мир, и карты их в своей дотошности и точности превосходят даже те, что находятся в библиотеке Святейшего Отца. Конечно, инквизиторов не слишком-то интересуют изображения чужих стран: Абиссинии, населенной всадниками песков с песьими головами и на полосатых лошадях; Персии, где правят огнепоклонники; далекого Китая или Островов пряностей⁵. Мы заняты делами куда как более приземленными. Нас интересует, чтобы на картах можно было найти мельчайший городок – и даже крупное село – на территории нашей священной Империи. Ибо что было бы, если б инквизитору, узнавшему, что подозреваемого следует искать в местности Зайцен, пришлось сперва производить непростое и вдумчивое расследование, дабы понять, где вообще находится это село? Какое непростительное расточительство сил и времени!

– Знаете, мастер Маддердин, что Его Святейшество выслал экспедицию в Индию? – спросил меня библиотекарь, поднимая взгляд над томами.

– Господь, смилуйся над душами тех бедных мореплавателей, – пробормотал я.

– Ха! – Библиотекарь ухмыльнулся беззубым ртом. – Он послал их не на восток, но на запад!

– Доплывут до края Великого Океана – и упадут, – пожал я плечами.

– Как знать, как знать, – пробормотал старик. – А если Василий Ласкарис прав и Земля – огромный шар?

Говоря откровенно, проблема экспедиции в Индию волновала меня слабо, вне зависимости от того, поплыли мореходы на восток или на запад. В любом случае я полагал, что единственное, с чем они вернуться (если вообще вернуться), будут воспоминания о погибших товарищах. Полагал я также, что Святейший Отец мог бы использовать деньги и более разумно, поскольку топить их в океане, окружающем мир, казалось мне занятием слегка безрассудным – особенно учитывая, что океан этот воистину бездонен. Поэтому я лишь кивнул и попрощался с братом-библиотекарем, не вдаваясь в дальнейшие споры.

Позже я вспомнил, что слышал уже о планах подготовки экспедиции под флагом Инквизиториума, целью которой должно было стать проникновение в Китай и его обращение, но

---

⁵ Острова пряностей – Молуккские острова.

идею эту воспринимали (и совершенно справедливо) как фантазмагорию. Потому что, коли уж долгие годы не случались крестовые походы ради освобождения страдающей под языческим ярмом Святой земли, так каким же образом собирались отправлять экспедицию в такую грозную и далекую страну, как Китай? Правда, существовала теория, гласившая, что Господь наш после завоевания Рима не был Вознесен, но удалился именно в Китай, чтобы там создать новое Царство Иисусово, однако Церковь подобную ересь искореняла совершенно безжалостно.

Так или иначе, но морочить себе голову Китаями или Индиями я не собирался, поскольку нынче меня куда больше заботило село Зайцен, дорогу к которому я узнал благодаря совершенным картам нашего Инквизиториума. Я надеялся, что именно там решу дело о похищении прекрасной Илоны, чтобы спокойно пересчитать полученный из рук Лойбе гонорар. Во время же возвращения в Хез – а пути там несколько дней, – кто знает, не пожелает ли прекрасная госпожа выказать горячую благодарность инквизитору, который вызволил ее из неволи? Скажу искренне: я не имел бы ничего против такого оборота дел. Хотя следует признаться хотя бы себе самому: в прекрасной Илоне было нечто, способное превратить вожделение во влюбленность. Со своим необычайным талантом и бросающейся в глаза красотой она пробуждала во мне чувства, идущие куда дальше, чем жажда невинного флирта.

* * *

Мне не пришлось даже особо готовиться к дороге. Из конюшни Инквизиториума я взял рослого коня, сила и стать которого гарантировали, что он выдержит быстрое путешествие; во व्यюки я вложил самые необходимые вещи, затем надел кольчугу и препоясался мечом. Тракт, ведущий в Готтинген, мог сойти за спокойную дорогу, однако вооруженных людей всегда воспринимают с куда большим почтением, чем остальных подорожных, да и всегда ведь можешь наткнуться на какого-нибудь отчаявшегося бандита. А у меня не было ни времени, ни желания драться на трактах. Конечно, в нашей славной Империи вообще не рекомендуется странствовать по ночам (разве что вы совершенно не цените свою жизнь или ищете острых ощущений), поэтому я намеревался всякий вечер задерживаться в какой-то из многочисленных гостиниц на тракте.

После полудня я миновал обильно увешанную трупами пригородную виселицу, над которой кружилась туча громко каркающих ворон. Это, вне всякого сомнения, был прекрасный пример стараний бургграфа и юстициариев, а также зрелище, которое могло пробудить глупую задумчивость у всех, кто алкал легкой добычи и беззаботной жизни, не ископленной честным трудом.

Путешествие в Готтинген прошло без малейших проблем, если, конечно, не считать обычных склок насчет лучшей комнаты. Поскольку мне необходимо было узнать, где именно находится мельница семьи Швиммеров, я подумал: кто даст мне лучший совет, если не мытарь из Готтингена? Его контору я нашел в месте, весьма для этого подходящем: сразу возле городской тюрьмы. Сам мытарь оказался хорошо упитанным мужчиной в возрасте, а хмурое лицо его создавало впечатление, что его владелец сердит на весь мир и что следует предпринять любые действия, дабы гнев этот утишить.

– Чего надо? – спросил мытарь неприязненно, когда я, преодолевая сопротивление слуг, ввалился в комнату, где он обедал за щедро накрытым столом.

– Вина, цыпленка, запеченную форель, на десерт – немного фруктов, – сказал я, глядя на исходящие паром блюда.

– Позови стражников, Дитрих, – приказал он службе и с трудом поднялся с кресла.

– Нет нужды, – поднял я руку. – Я – Мордимер Маддердин, лицензированный инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона. Полагаю, мы можем поговорить за завтраком. Принеси-ка второй прибор, Дитрих, – попросил я.

Мытарь сел со вздохом, а его розовое лицо несколько побледнело.

– Готов служить, мастер, готов служить, – пробормотал он. – Какие же счастливые ветра привели вас в Готтинген?

– Смиренная просьба о некоторой информации, – сказал я. – И полагаю, что эту информацию найду именно у вас.

– Спрашивайте.

– Вы знаете село Зайцен?

– Знаю, как не знать, – засмеялся он. – Я пятнадцать лет мытарь, мастер Маддердин. Йоахим Книпрод, к вашим услугам. Как же мне не знать не то что всякое село, но и любой дом в ближайших околицах?

– Я чувствовал, что вы человек на своем месте, – произнес я убежденно и кивком поблагодарил Дитриха, который как раз поставил передо мной оловянную тарелку и большую чашу.

Книпрод с трудом перегнулся и наполнил ее доверху.

Я поднял чашу.

– За налоги, господин Маддердин, – сказал он, усмехаясь.

– Высокие и вовремя собранные, – добавил я, после чего мы осушили чаши до дна.

Мытарь сыто рыгнул.

– Что хотите знать о Зайцене? – спросил меня.

– Я слышал, что тамошняя мельница принадлежит семейству Швиммеров. Не можете ли подтвердить информацию? И указать мне наилучшую дорогу, ибо из карт знаю, что это крупное поселение?

– Мельница, мельница, мельница... – Он потер пальцами толстый подбородок. – Ах, вспомнил, мельница. Сделаю даже лучше, мастер Маддердин. Не только расскажу вам о дороге, но и пошлю с вами паренька, чтобы показал все, что нужно.

– Нижайше благодарю, – ответил я. – Окажете мне величайшую помощь.

– А могу ли, с вашего позволения, мастер Маддердин, знать, что ведет вас в Зайцен?

– Прошу меня извинить, но дело – крайне конфиденциальное.

– Ну да-да-да, – сразу отступил он. – Уж простите мне мой дурацкий вопрос... Давайте-ка еще выпьем и попробуем форель. Свежего улова...

Мы поели и попили, пока не почувствовали сладкую сытость, а мытарь Книпрод неожиданно оказался прекрасным и остроумным собеседником. Уже перед закатом солнца он вызвал одного из своих работников и приказал провести меня к мельнице в Зайцене.

– Но вам стоит переночевать в Готтингене, – сказал. – Поскольку в Зайцен не доберетесь раньше, чем через несколько часов.

– Благодарю, – ответил я, – но мне это не помешает.

Я и вправду предпочитал оказаться подле хозяйства Швиммеров ночной порой: знал, что тогда мог бы провести необходимые наблюдения и осмотреться, не привлекая интереса других людей. А в малых селениях так всегда – любой чужак как на ладони.

* * *

В Зайцен мы добрались после заката, но мельница, возвышавшаяся над запрудой у ручья, была прекрасно видна и в сумерках.

– Вон там и есть те Швиммеры, – сказал, показывая на дом пальцем, мой проводник – молоденький паренек с хитрой лисьей мордочкой.

Мы привязали лошадей к деревьям на холме, а сами встали, укрытые буйно разросшимися кустами. Я оглядел околицы и отметил белесый дым, поднимавшийся над трубами ближних домов.

– Их дом, верно?

Помощник Книпрода истово закивал.

– Я могу уже уехать, мастер? – спросил покорно. – Раз уж я все вам показал...

Вероятно, он не хотел принимать участие в том, что могло случиться нынешним вечером, – и я этому не удивлялся.

– Еще минуту, парень, – ответил я. – Ты не знаешь, это единственное их строение? Только эта мельница?

– Хм-хм. – Он потер пальцами прыщавый подбородок. – А знаете, таки нет, – ударил себя в лоб так сильно, будто убивал присосавшегося комара.

– И? – поторопил его я.

– У них еще хибара такая есть, типа склад или что... Знаю, потому что мы некогда с уважаемым господином Книпродом искали там старого Швиммера.

– Тогда покажи мне ту халупу, и можешь убираться в Готтинген.

Мы вернулись к лошадям, но помощник Книпрода сказал, чтобы мы не садились верхом: он поведет боковой, крутой тропинкой, где есть осыпи и обрывы, а ветки свисают слишком низко, чтобы ехать было удобно. Я послушался, и он вывел меня на верхушку взгорья, у подножия которого в лунном свете я заметил деревянную халупу. Видел ее отчетливо и потому еще, что блеск огня пробивался сквозь многочисленные щели в ее стенах.

– Ну чего, господин, вы теперь справитесь, а? – спросил парень, а я махнул рукою, позволяя ему уехать.

Я оставил коня на вершине взгорья и сошел по крутой тропке меж зарослей малины. Намеревался прокрасться под самую стену халупы, но внезапно почувствовал боль в правом плече. Увидел лежавшего на крыше мужчину, который, заметив, как я валюсь на землю, засмеялся с триумфом. Я же отчетливо почувствовал яд. Быстродействующий яд.

Весь мир, казалось, вращался вокруг меня. Мне не пришлось даже вырывать стрелу, поскольку та сама выпала, едва я пошевелился. Я приподнялся и заметил, что у нее специально затупленный наконечник. А значит, меня не хотели убить, по крайней мере – сейчас.

Я потянулся к мечу, но кто-то ударил меня по руке.

– Старый добрый способ, – пискляво рассмеялся Швиммер, встав надо мною. Второй мужчина, посапывая, слезал с крыши.

Йоханн глядел на меня с исключительной злобностью, а потом несколько раз ударил под ребра, чтобы проверить, подействовал ли яд. О, чудо, мне было не больно. Но трудно было удержаться от мыслей о том, почему меня не убили? Нужен ли я им для чего-то? Просто руководствовались милосердием (но в это было тяжело поверить), а то и страхом? Или экзекуция просто отложена на время?

– Мы волков так ловим, чтобы потом выпускать их на собачьих боях. А то в силках они себе лапы ранят или еще чего... – усмехнулся Йоханн глуповато.

– Швиммер, не будь идиотом... – сказал я, ощущая, как задеревенели мои язык и губы – слова протискивались с огромным трудом.

Сам себя я слышал так, будто голос мой доносился откуда-то из-за стены или с некоторого расстояния – и к тому же чудилось в нем неотчетливое эхо. У Йоханна Швиммера же было, казалось, четверо глаз, и вторая пара их путешествовала по всему лицу.

Я попытался сосредоточиться – и мне сделалось дурно.

Лицо Швиммера увеличилось, и лишь через какое-то время я понял, что помощник актеров просто приблизился ко мне. Отсвет факела плясал на его лице.

– Не нужно было вмешиваться, – сказал Йоханн сдавленным голосом. – Нужно было сидеть на жопе в Хезе...

Я рассмеялся, поскольку рот Швиммера был огромен, словно врата, и двигался вне зависимости от проговариваемых слов. Подумал, отчего я вообще встречаюсь с ним в столь странном месте? Наверное, мы могли о чем-то поговорить, но о чем?

– Оставь его, – долетел до меня голос издалека. – Он уже уснул. Пойдем, заберем коня, а то еще заметит кто...

Мне казалось, что в любой миг я могу вскочить на ноги и напасть на Швиммера и его братьев. Но одновременно меня охватывали странное оцепенение и лень. Я решил, что минутку отдохну, прежде чем брошусь в драку. Но я все так же не мог вспомнить, зачем я вообще должен с кем-то драться.

А потом и эти мысли угасли.

Очнулся я от холода, все тело дрожало, к тому же меня крепко тошнило – так, что я едва не сблевал. Лежал я на каменном влажном полу. Я знал, что он каменный и влажный, поскольку ощущал это пальцами. Но ничего не видел.

Наверняка я находился в каком-то подвале, поскольку не мог рассмотреть и собственной руки, даже если бы поднес ее к лицу. Впрочем, я не смог бы ничего такого сделать, поскольку руки мои в запястьях были связаны веревкой. К тому же веревка эта еще и окручивалась у меня вокруг пояса; я же лежал с руками, заведенными под ягодицы так, что и пальцем двинуть не мог. Следовало признать: мерзавцы связали меня умело и накрепко, мне же оставалось лишь надеяться, что от этих их умелости и крепости я не утрачу навсегда чувствительность рук.

Впрочем, словечко «навсегда» в моем случае не могло означать слишком долгий срок, ведь я не думал, что они настолько глупы, чтобы оставить меня в живых.

Я услышал скрип засова, а потом скрип двери. Во тьме явился свет.

Внутрь вошел некто, несущий в руке просмоленный факел. Я прищурился и узнал Швиммера. За его спиной стоял второй мужчина, но его лица я различить не мог.

– Очнулся, – сказал Швиммер с радостью, уместной в лучших обстоятельствах. – Ну что, допросим его, а, Оли?

Названный Оли что-то буркнул – как видно, соглашался.

– Ты принес молоток и щипцы? – спросил Швиммер своего спутника, и я почувствовал себя не в своей тарелке, поскольку слова «молоток и щипцы» да еще сразу после слов «допросим» могли означать только проблемы.

– Успокойся, – сказал Оли и вышел из-за спины Йоханна. Я отметил, что он высок, плечист и что у него светлые волосы. Наверняка брат и поделщик Швиммера. – Если будет нужно, прижжешь его... – добавил он.

– Не будет, – сказал я решительным тоном. – Поскольку я готов дать вам все пояснения, какие только понадобятся.

– Ох ты, что-то он разговорился, – буркнул Швиммер и пнул меня в лодыжку.

– Вот только я никак не возьму в толк, знаете ли вы, что ожидает людей, которые связывают пребывающего на службе инквизитора, – добавил я, не реагируя на пинок.

– Он – инквизитор? – почти проверещал Оли и повернул к брату искаженное гневом лицо. – И почему ты мне об этом не сказал, идиот?! Откуда он здесь взялся? Что он знает?

– Да вот сейчас и пойдем. – Швиммер не обратил внимания на вспышку Оли. – Сам хочешь знать...

Швиммер приблизился и махнул перед моим лицом факелом. От пакли оторвалась искорка и упала мне на щеку. Йоханн ощерился в ухмылке.

– Думаешь, я тебя боюсь, инквизитор? – спросил, а потом рассмеялся, будто собственным мыслям. – Не боюсь, потому что я и так уже мертв...

– Йонни, – осуждающе отозвался его брат. – Все будет хорошо, где-нибудь спрячетесь...

– Может-может-может. – Я заметил, что глаза Швиммера пусты и бегают. Этот человек явно сбрендил или был близок к тому. – Нам осталось еще восемь дней...

– Восемь дней? – спросил я самым спокойным тоном, на какой был способен.

Он хотел ударить меня в лицо факелом, но я отклонился, и он лишь слегка задел меня сбоку. Я почувствовал запах жженого волоса и подумал, что, если Бог позволит, поговорю когда-

нибудь со Швиммером на тему того, как не следует вести себя с функционером Святого Официума.

– Почему он пришел один? – спросил Оли. – Они ведь всегда ходят отрядами...

– Его послал не Инквизиториум. – Швиммер испытующе глядел на меня, да с таким выражением на лице, словно хотел крикнуть: «вот я тебя и подловил!» – Лойбе его купил, эта старая свинья... Разве не так, Мордимер, если я правильно запомнил твое имя? Могу я называть тебя Морди?

– Нет, – ответил я.

– Ну, нет так нет, – пожал он плечами.

Я уже некоторое время пытался осторожно ослабить петли на запястьях, но мог и не пытаться провернуть что-то столь дурацкое. Единственным ощутимым эффектом было то, что я почувствовал, как ладони перестали неметь. А значит, слава Господу, я еще продолжаю их чувствовать.

– Думаю, никто даже не знает, что он здесь, – задумчиво произнес Швиммер. – Я ведь прав, Мордимерчик? А значит, – он был настолько уверен в себе, что и не дожидался ответа, – мы посадим его в мешок, набьем камнями да и притопим в том распадке под Меловиком. Никто не найдет. Только нужно будет проделать в мешке дырки, – он смотрел на меня с глуповатой ухмылкой, – чтобы угри могли легко забраться внутрь. Ха, под Меловиком полно угрей... Я ловил их, когда был ребенком, – сказал он мне.

– Йонни, а может, расскажем ему? – спросил тихо брат Швиммера.

– Нет! – почти заорал Йоханн, и лицо его исказилось от гнева. Оглядываясь на брата, он снова ударил меня по голове факелом, но на этот раз не нарочно. – Разве не помнишь, что они сделали с нашей мамочкой?

Ха, мне тоже стало интересно, что же сделали братья-инквизиторы с мамочкой Швиммеров. Была ли она некогда обвинена в колдовстве, допрошена, подвергнута пыткам или сожжена? Тогда не стоило удивляться ненависти Йоханна, хотя ему следовало радоваться, что Святой Официум помог его родительнице прийти к согласию с Господом. Конечно, не многие из людей мыслили подобным образом, ведомые, верно, даже не злой волей, но отсутствием должных знаний.

Однако более всего меня интересовало, о чем говорил Оли. Что такого желал мне рассказать? Какая тайна скрывалась за похищением девушки, если здесь вообще была хоть какая-то тайна? И почему через восемь дней дело могло перемениться?

– Я могу вам помочь, – сказал я. – Ведь ничего странного, что вы захватили человека, который ночью бродил подле вашего дома. И никто не может вас в этом обвинить. Но теперь, когда я представился инквизитором, вы должны меня отпустить. Йоханн, Оли, не поддавайтесь козням Дьявола, не рискуйте жизнью и не берите на душу смертный грех, коим есть убийство ближнего.

Я старался говорить спокойным, уверенным голосом, но не думаю, что слова мои доходили до Йоханна. Зато брат его присматривался ко мне все внимательней, а когда я замолчал, глубоко вздохнул.

– Йонни, сделаем так, как он советует, – сказал тихо. – Он ведь может нам помочь...

– Нет! Ты что, дурак, не понимаешь: он говорит так, только чтоб мы его развязали.

Охо-хо, как видно, малыш Йоханн научился у своих приятелей-комедиантов искусству декламации. Чтобы подчеркнуть смысл своих слов, он размахивал факелом, но на этот раз мне удалось уклониться от удара. Лишь несколько искр снова сорвались с факела и погасли на моем лице.

– Но подумай... – продолжил было брат Йоханна, я же пообещал себе, что если выпутаюсь, постараюсь оказать ему милость так же, как он оказывал ее мне.

– Не буду ни о чем думать! – заверещал Швиммер, а его хриплый крик перешел в задуманный писк на последнем слове. Да-да, этот человек был не в своем уме. – Убьем его – и все!

– Непростое это бремя – нести крест воспоминаний об убитом человеке, – сказал я, глядя прямо в глаза Оли. – И разве Писание не остерегает нас: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а знайте, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной»⁶?

– Ты не мой брат! – рявкнул Йоханн.

– «Судите других по справедливости и не тревожься. Но помните: каким судом судите, таким будете судимы; и какую мерою мерите, такую и вам будут мерить»⁷, – добавил я, возвышая голос. – А уверены ль вы, что ваш суд – справедлив? Что когда придет время измерять ваши злые и добрые поступки, скажете Господу: да, поступил тогда хорошо, убив человека, который не причинил мне ни малейшего зла?

Оли отвел взгляд и что-то забормотал себе под нос. Я не слышал слов, лишь видел, как шевелились его губы.

– Нужно было ему кляп вставить, – сказал Швиммер и погрозил мне факелом. – Где Альди? – повернулся он к брату.

– Следит за домом, – пробормотал тот.

Я догадался, что они говорят о третьем брате, и полагал, что этим число людей, знавших о похищении, исчерпывается. Сложись ситуация иначе, трое селян не представляли бы никакой проблемы для инквизитора Его Преосвященства. Но связанного человека сумеет зарезать даже ребенок...

– И что вы сделали с девушкой? – спросил я. – Где она?

– В безопасности, – быстро ответил Оли. – Мы за ней следим.

– Чего ты с ним разговариваешь? – снова рявкнул Швиммер.

– Слушайте меня внимательно, – сказал я, стараясь одновременно говорить решительно и ласково. – Слишком многие знают или догадываются, где я нахожусь. Йоахим Книпрод, мытарь из Готтингена, Хайнц Риттер, Андреас Куффельберг. – Когда я произнес последнее имя, Йоханн вздрогнул, а лицо его на миг исказила гримаса. – Раньше или позже Инквизириум доберется до них и узнает, где именно я пропал. Или вы думаете, что можно зарезать инквизитора безнаказанно?

– Это все неважно, – неожиданно спокойным голосом произнес Швиммер. – Нам и так придется убежать и прятаться. И что за разница, кто станет за нами гнаться? Ладно, Оли, берем его. И не сопротивляйся, инквизитор, а то мне придется тебя оглушить.

Я сделал все, чтобы достучаться до них, а в нынешней моей ситуации иными аргументами я не располагал. Я подозревал, что сумел бы убедить брата Швиммера, но сам Йоханн наверняка сбрендил и не мог думать ни о чем ином, лишь о побеге – как можно дальше – с девушкой, независимо от последствий.

Они взяли меня за руки и за ноги, я же не сопротивлялся, поскольку не сомневался, что Швиммер исполнил бы свою угрозу. И сделал бы это с удовольствием. А пока я был в сознании – питал надежду, что выйду из приключения, в которое превратились поиски Илоны Лойбе, живым.

Братья потащили меня по ступеням, но в какой-то миг Швиммер отпустил мои руки, и я ударился головой о каменную ступень. Выругался, а Йоханн захихикал.

Наконец они приволокли меня в деревянную халупу. Между щелями в досках пробивался дневной свет, но, насколько я мог сориентироваться, солнце клонилось к западу. В халупе лежали мешки с мукой, под стеной стояли цепи и лежала заржавевшая борона с още-

⁶ 1-е Иоанна (3:15).

⁷ Измененная цитата из Мтф (7:1–2). В нашем мире первая половина цитаты звучит следующим образом: «*Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите...*»

ренными зубьями, в углу же громоздилась подгнившая куча сена. И только потом я заметил, что на более-менее удобной обустроенной (на первый взгляд, по крайней мере) лежке между мешками находится Илона Лойбе. Связанная, с кляпом и непричесанная, но, несмотря на самую низкую ситуацию, похоже было, что ей не причинили какого-либо вреда.

Итак, я мог себя поздравить: след привел меня напрямик в убежище похитителей, и я показал (по крайней мере, в целом) удивительную проницательность. За тем исключением, что я не должен был оказаться здесь связанным, как телок, меня не должны были тащить за ноги, и сам я не должен был волочиться головой по смердящему полу. Не так, полагаю, прекрасные дамы воображают себе тех, кто освободит их из неволи...

Также я заметил теперь и третьего брата, которого Швиммеры называли Альди. Походил он на Йоханна и Оли. Высокий, плечистый, со светлыми волосами и с лицом деревенского дурачка. Впрочем, нельзя было не отметить, что они не такие уж и полные идиоты, раз именно я лежал перед ними связанный по рукам и ногам, а не наоборот.

Но опыт, данный мне милостью Божьей, учил, что любая ситуация в силах измениться. Я лишь надеялся, что это не будут изменения к худшему.

– Освободите девушку, – сказал я и в благодарность за добрый совет получил очередной пинок. – Чего хотите взамен? – спросил, стараясь не выказывать боли или страха. – Золота? Старый Лойбе заплатит, не задумываясь. Освобождения от ответственности? Гарантирую вам это от лица Святейшего Официума.

Конечно, с тем же успехом я мог гарантировать им виллу с садом в Хез-хезроне, стадо служек и Его Преосвященство в качестве камердинера. Но в той ситуации я готов был предложить что угодно, лишь бы они отказались от недостойных планов.

Я получил бы пинок под ребра, но извернулся, и носок сапога Йоханна лишь чиркнул меня по боку.

– Давай решать с инквизитором, – сказал Йоханн с нездоровым оживлением в голосе.

– погоди, – ответил Альди, который сидел на деревянной скамье, прижав глаз к щели в досках. – Кажись, кто-то идет...

– Что там?! – Йоханн подскочил, оттолкнул его и сам прижал лицо к щели. – Едут, – добавил через миг глухо. – Лойбе... с людьми...

Оли перекрестился истово и бросился под стену. Схватил обеими руками цеп. Альди же ухватился за вилы, но я видел, как дрожат его руки.

– Сдавайтесь, – не сдавался я. – Я гарантирую вам безопасность.

Они даже не стали делать вид, что слушают меня, но теперь и не пытались заткнуть меня с помощью пинков. Швиммер повернулся и взглянул на Илону. И взгляд его мне не понравился.

– Обороняйте дверь, – сказал он глухо. – Я сделаю, что нужно.

Оли сглотнул так громко, что даже я это услышал, пусть и лежал в нескольких шагах от него.

– Ты... ты уверен? – спросил он.

Йоханн ничего не ответил, лишь двинулся к гнезду девицы, развязывая на ходу пояс, придерживавший портки. «Мечом Господа клянусь, – мелькнуло у меня в голове, – в последние мгновения жизни он продолжает думать о наслаждениях!»

Илона тоже увидела, что для нее уготовано, поскольку пыталась крикнуть и отползти в сторону, но кляп плотно сидел у нее во рту, а путы не давали сильно дергаться. Помощник актеров набросился на нее, одной рукой срывая ее кафтанчик, а второй – задирая юбку. Илона пыталась сопротивляться, но он ударил ее по лицу открытой ладонью.

– Остановите его, ради Господа! – рявкнул я, но Оли и Альди даже не подумали двинуться, готовясь к схватке, которая вот-вот должна была начаться.

На подстилке продолжалась беспорядочная возня, я видел только задранные нагие ноги Илоны и прыщавую задницу Швиммера – а также его покрасневшее от усилий лицо.

– Эх, эх, эх, – сопел он, со свистом втягивая воздух.

Наконец оттолкнул Илону и вскочил.

– Не могу, Оли! – крикнул с отчаянием и яростью. – Не могу, дьявол ее подери!

Оли обернулся к нему.

– Что? Что? – спросил непонимающе. Снаружи раздавался топот копыт.

Швиммер подскочил к брату, дернул его за одежду. Вырвал из рук цеп.

– Давай, – сказал лихорадочно. – Сделай с ней, что нужно.

– На помощь! – надрывался я во всю мощь легких. – Господин Лойбе, мы здесь! Быстрее!

Этот зов о помощи не дался мне просто, поскольку, хоть я человек смиренный и скромный, все же обладаю некоторой гордостью. Но я решил, что если уж братья Швиммеры хотят завершить свои земные дела, то после изнасилования Илоны дойдет очередь и до того, чтобы угостить вилами или цепом инквизитора.

Однако, как ни странно, никто не обратил на меня внимания. Йоханн подтолкнул брата цепом.

– Иди, – рявкнул. – Потому как если не сделаешь этого, я убью тебя, Господом клянусь.

Оли неохотно направился к скорчившейся девушке и, когда цеп Йоханна подтолкнул его, упал прямо на нее. Схватился за ее обнаженную грудь. Илона извивалась под ним, но Йоханн отвесил ей пощечину. Илона замерла, и тогда Оли раздвинул ей ноги и, со спущенными портками, навалился на нее. Несмотря на кляп, я услышал ее исполненный боли крик. Как же сильно Йоханн должен был ненавидеть Лойбе и саму Илону (наверняка потому, что она не хотела быть с ним по своей воле), чтобы в последние мгновения своей жизни сделать с ней то, за что, несомненно, очень скоро заплатит пред лицом Господа!

Не поймите меня неверно, милые мои, насилие – вещь частая в наши беспокойные времена, а у девиц эта штука – вовсе не из мыла и не сотрется от того, что ею попользуется некоторое число мужчин. Но то, что творилось здесь, вызывало у меня как отвращение (учитывая еще и тот факт, что Илона была красива), так и немалое удивление, вызванное столь необычным упорством Йоханна.

Мы услышали грохот в доски и яростный голос Лойбе:

– Открывайте, мерзавцы! Немедленно открывайте!

А потом, как видно, в дело пошли топоры, поскольку я услышал характерный стук по дереву. Сарай не выглядел слишком крепким, и я был уверен, что через минуту купец вместе с товарищами будет внутри.

Оли поднялся с неподвижной Илоны и бросился под стену, к цепу. Я же заметил, что брюхо у него в крови, а значит – он таки добился своего.

Упали выломанные доски. Сперва одна, потом вторая и третья. Алди ударил в открывшуюся щель вилами, но кто-то снаружи пропустил зубья и перехватил древко. Йоханн взвыл яростно, но внутрь уже ворвался крупный чернородый мужчина. Умело уклонился от удара цепом, ушел вправо и рубанул Оли топором. В голову не попал, но почти отрубил ему руку, удар вдобавок оказался столь силен, что Оли отбросило назад: вереща от боли, он рухнул прямо на заржавевшие зубья бороны. Два из них пробили его насквозь чуть повыше пояса и вышли наружу с фонтаном крови и клочьями кишок.

Чернородый потерял топор, но тотчас выхватил из ножен меч. Двинулся к Йоханну, который, упершись в стену, поводит перед собой серпом. А внутрь уже вскакивал Лойбе и второй его товарищ – лысый, словно колено, крепыш с исчерканной шрамами мордой. Его я узнал: это был один из бойцов тонгов. Значит, купец меня обманул, говоря, что отказался от их помощи...

Лойбе швырнул крупный – с кулак – камень и попал Швиммеру в лоб. Йоханн с глупым выражением лица упал на колени и оперся на серп. Лойбе оттолкнул замахнувшегося чернородого и прыгнул к актерскому помощнику. Повалил на землю и, выхватив из-за пояса нож,

несколько раз ударил бедолагу прямо в грудь. Йоханн из последних сил дернулся, хватая купца за глотку. Но это никак не могло ему помочь. Лойбе, не обращая внимания на руку Йоханна, продолжал бить ножом – из-под клинка брызгала кровь. Ударил Швиммера раз пять или шесть, прежде чем тот отцепился от шеи купца и замер, сжав руку в кулак.

Лойбе встал, весь в крови, будто вот только что зарезал свинью – с лицом, искаженным яростью. Двинулся в сторону Илоны, шатаясь, будто пьяный.

– Не сделали... Ничего тебе не сделали? – спросил хриплым, прерывистым голосом.

Она не ответила, но он и сам уже все увидел. Разорванный кафтанчик, задранную юбку, голые ноги и кровь на одежде и на теле.

– Не-е-ет! – закричал с таким отчаянием, будто его пытали раскаленным железом. – Не-е-ет! Мое будущее, моя надежда, они не могли этого сделать!

Он упал на колени и принялся рвать волосы на голове. Я всегда полагал, что выражение это – лишь удобная и красивая метафора, чтобы рассказать о чьем-то страдании, но здесь собственными глазами видел, как Лойбе, воя, будто волк, рвет волосы на голове. Потом он воткнул ногти в пол и, заглушая все безумным скулежом, принялся стучать головой в землю. Наконец лысый помощник не выдержал и ухватил купца за плечи. Силой поднял его на ноги.

– Тихо, тихо! – Но голос его не звучал успокоительно. – Бежим-ка отсюда на хрен! Неизвестно, кто еще зайвится...

Старик Лойбе отряхнулся, потер лоб, но все еще выглядел словно безумец: волосы растрепаны, потное красное лицо, надорванное ухо, из которого стекал ручеек крови, и мокрая от крови же одежда. Некоторое время он глядел на мертвого Йоханна Швиммера – глазами, налитыми болью и яростью, – а потом его взгляд переместился на меня.

Когда я увидел глаза Лойбе, что-то подсказало мне, что слова его не будут звучать как: «Чего ждете? Развязать инквизитора!». И действительно – они так не звучали.

– Убей его! – бросил он чернобородому, который как раз вытирал окровавленный клинок об одежду мертвого Оли.

– Отец, он пришел меня спасти! – крикнула Илона, и я был удивлен, что весь ужас, который с нею случился, не лишил ее, во-первых, способности разбираться в ситуации и, во-вторых, достойного похвалы сочувствия ближнему.

– Молчи, паршивая девка! – крикнул купец, и Илона снова упала на спину, будто ей отвесили пощечину.

Чернобородый лишь засмеялся, осервив выкрошенные зубы, и подошел ко мне. Ткнул мечом, держа его двумя руками так, будто собирался воткнуть клинок в пол. Я охнул от боли и сделался недвижим, а он вытащил окровавленное острие.

– Готово, – засмеялся. – Сделано...

Я не намеревался подавать ни признака жизни, хотя остался после его сильного, пусть и неточного удара, в живых. Мне удалось так выгнуться, что острие вошло между рукою и грудной клеткой. Конечно, клинок порядком меня поранил; и рука, и порезанный бок дьявольски болели. Тем не менее убийца был уверен, что проткнул мне сердце, а широкий плащ, который на мне был, не давал рассмотреть все как следует. Такого рода уловкам нас обучали в Инквизиториуме: как обмануть врага, как притвориться тяжело раненным или убитым, как лечь так, чтобы удар не затронул жизненно важных органов. Конечно, ударь чернобородый топором или реши нанести секущий, а не колющий удар, меня бы ничего не спасло. Но, к моему счастью, он был то ли неопытен, то ли измучен погоней и боем.

– А с ней что? – указал он на рыдающую в углу Илону.

– А что с ней? Ничего! – рявкнул Лойбе. – Уходим, пока никто не появился.

Из-под прикрытых век я видел, как они идут к выходу, оставив за спиной тела трех мертвых братьев, меня и окровавленную, заплаканную Илону. Дочка купца, увидев, что они уходят, вскинула голову.

– А я? – крикнула голосом, приглушенным рыданиями. – Отец, а как же я?

Старый Лойбе резко повернулся. Лицо его исказила гримаса гнева. Лишь сплюнул под ноги и растер кровавый плевок подошвой.

– Ты можешь делать что хочешь! – произнес он, будто проклятие.

Двери сарая с силой ударили о косяк, а потом послышались лишь тихое ржание и удалявшийся стук копыт.

– Илона. – Я пытался крикнуть, но из моих уст вырвался только задушенный шепот.

Она резко повернулась ко мне.

– Вы живы, – сказала. – Но как...

– Путы, – сказал я быстро, поскольку момент был неподходящим для подробных объяснений о том, как именно я сумел избежать смерти. – Разрежь мои путы и помоги перевязаться.

Она вскочила, оправила край порванной юбки, упала, сильно ударившись о пол локтем, после чего подползла ко мне. Из-под порванного кафтанчика показалась грудь с посиневшими следами пальцев Оли Швиммера.

– Нож, – шепнул я. – Поищи нож.

Она беспомощно осмотрелась, я же чувствовал, как кровь все сильнее пропитывает мою одежду. Старался посильнее прижимать руку к туловищу, но знал, что это поможет ненадолго.

– Поищи подле тел, – приказал я чуть громче, хотя для этого мне и пришлось порядком напрячься. – Быстрее, девушка.

Ближе всего лежало тело Оли, но она не прикоснулась к нему. Приблизилась к мертвому Альди и замерла с руками над его плечом. Голова у Альди была разрублена едва ли не напополам, а глаза – вытарашены от боли и страха.

– У пояса или за голенищем, – сказал я торопливо.

Наконец она решилась прикоснуться к останкам. Не знаю, почему многие боятся дотронуться до мертвого тела. Ведь это лишь кусок мяса, без души и сознания.

– Есть! – крикнула она, вытягивая нож из-за голенища.

Подбежала ко мне и присела рядом на корточки. Ее грудь снова выскочила из разорванного кафтанчика. Но нагота девушки сейчас не возбуждала во мне никаких чувств, кроме жалости. К тому же я был глубоко ей благодарен, что она не скорчилась в углу, предаваясь отчаянию над собственной судьбой и оставив вашего низжайшего слугу истекать кровью. А я осмеливался полагать, что многие женщины, более слабые духом, так бы и поступили.

К счастью, Илона неплохо управлялась с ножом – ей удалось быстро разрезать веревки и кафтан, не добавив при этом мне новых ран (что я решил с благодарностью запомнить). Одежда моя была пропитана кровью, но я знал, что клинок не перерезал ни одной важной вены или артерии – а случись это, и мне бы не спастись. Я попросил Илону, чтобы наложила мне повязку на верхнюю часть предплечья, а заодно перемотала тряпками раненый бок (она пустила на это собственное платье). И я надеялся, что благодаря этому сумею протянуть несколько следующих минут.

– Илона, – сказал я. – А теперь ты должна бежать за помощью. Найди каких-нибудь людей и скажи им, что здесь лежит умирающий дворянин. Не говори, что я инквизитор, а то еще проткнут меня вилами. – Я позволил себе пошутить, но она даже не усмехнулась. – Беги, дитя, а я уж, клянусь мечом Господа, постараюсь отблагодарить тебя за доброту.

Она глянула на меня серьезно, глазами полными слез, и медленно кивнула.

– Вернусь так быстро, как только смогу, – пообещала.

Она выбежала из сарая, я же подумал, не настал ли нынче последний день Мордимера Маддердина и не умру ли я как случайная жертва противостояния людей, до которых мне и дела-то не было. Впрочем, я надеялся, что Господь сочтет меня настолько полезным орудием в подлунной юдоли слез, что не станет пока призывать меня ко Славе Своей.

Внезапно размышления мои прервали стоны и бульканье. Я взглянул туда. На губах Йоханна Швиммера появился и лопнул кровавый пузырь, разбрызгивая красное по щеке. Ха, а ведь этот жалкий похититель и несостоявшийся насильник все еще жив, рука купца Лойбе оказалась не столь тверда, как я думал!

Опираясь на здоровую руку, я пополз к Швиммеру, надеясь, что мне удастся помочь, а то и спасти ему жизнь. Конечно, вело меня не достойное сожаления милосердие, но вера в то, что Швиммеру стоит умереть куда более тяжело, чем подохнув от ударов ножом. А чтобы смерть для него таковой оказалась, следовало сперва его спасти.

Но когда я подполз ближе, понял, что актерский помощник не проживет и часа – и то, что он до сих пор дышит, уже можно считать настоящим чудом.

Должно быть, он услышал меня, а может, увидел краем глаза, как я подползаю. Не мог даже повернуть голову – только глаза его скосились в мою сторону.

– М-м-м... м-м-ме... – застонал, а изо рта его потекла кровь.

– Ну, брате, – сказал я. – Нынче путь твой – в огонь вечного страдания. Подумай о том, пока не сдох...

Речь была слишком длинной для моего жалкого состояния, и я измучился настолько, что снова рухнул на пол. Так мы и лежали со Швиммером, плечом к плечу, будто близнецы или воины, умирающие за общее дело. Ха, насколько же обманчивым бывает поверхностное впечатление!

– М-м-м... м-м-ме... – снова застонал Швиммер.

Когда я глянул на него, заметил, что глаза его движутся странным образом. И это не была предсмертная конвульсия, но – осмысленное действие. Он отчетливо старался мне на что-то указать.

Я глянул вниз и заметил, что Швиммер сжимает что-то в кулаке. Что между пальцами его виднеется золотая цепочка.

Я придвинулся еще ближе – так близко, что его кровь измазала мне щеку. Протянул руку и положил ее на его окровавленный кулак.

– О чем это ты? Чтобы я это забрал?

Он ответил, моргнув. Я же с трудом распрямил его конвульсивно сжатые пальцы и вынул из них золотой амулет размером с денарий. И едва дотронувшись до украшения, я почувствовал почти физическую боль. Выпустил амулет из руки, а он упал прямо в лужу крови.

И теперь морда твари, изображенной на амулете, казалась еще более пугающей.

– Гвозди и терние, – прошептал я, поскольку понял уже: это мощный демонический талисман, но я все еще не имел ни малейшего понятия, каким темным силам он служит.

– Откуда он у тебя? – хотел я встряхнуть Швиммера, но понял, что тогда он попросту подохнет и уже ничего не сумеет сказать. Да и сам я не чувствовал себя настолько уж сильным, чтобы кого-то трясти.

И тогда меня осенило. Я прикрыл глаза и сцену за сценой принялся вспоминать сражение Швиммера с Лойбе. То, как они катались по полу, как купец наконец ткнул ножом в грудь похитителя и как Йоханн из последних сил, судорожно, отчаянно ухватил его за горло. Мне тогда показалось или и вправду, когда Лойбе освободился и принялся наносить удар за ударом, в кулаке Швиммера что-то блеснуло золотом?

– Ты сорвал его с шеи Лойбе, верно? – спросил я, а умирающий парень быстро заморгал в знак согласия.

– С... спа... аси... – кровь потекла из его рта, когда он попытался что-то сказать. Но не сумел произнести всех слов, что хотел, и умер с распахнутыми глазами.

Я же тем временем из последних сил спрятал амулет за пазуху, все время ощущая темную мощь, что от него исходила. Закрыв глаза и увидел коридор света, который, казалось, распах-

нулся прямо перед моими зеницами. Мне сделалось легко, боль потихоньку отступала, я знал, что теряю сознание и умираю.

Но именно тогда я услышал топот ног на тропе и мужские голоса – а среди них мощный, убеждающий голос Илоны Лойбе:

– Осторожно поднимайте, он истекает кровью... Это богатый господин, заплатит золотом, если его спасете...

* * *

Монастырь Амшилас стоял на лесистом склоне, что возносился над излучиной реки. Это было красивое место, и монахи, пожелай они, могли б из оконеч своих келий видеть закатное солнце над голубой водой. Но монахи из Амшиласа – смиренные слуги Святого Официума – жили в монастыре не для того, чтобы упиваться чувством прекрасного. В поте лица своего, в ежедневном служении и с беспримерной любовью они выслушивали грехи самых закоренелых и опаснейших грешников – блудных инквизиторов, колдунов и ведьм. И сюда же попадали не только еретики и богохульники, но и проклятые книги. Именно в эти стены стекалось темное знание, чтобы его тайны перестали быть загадками для слуг Божьих. Каждый молодой инквизитор в конце своего обучения в Академии имел право проведать монастырскую библиотеку и собственными глазами узреть неизмеримую силу зла, что была заперта в стенах Амшиласа. Тома, начертанные кровью, книги, оправленные в человеческую кожу и украшенные людскими костями, волюмины, писанные на древних, уже почти никому не известных языках стояли на полках, корешок к корешку, ряд за рядом, стеллаж у стеллажа. Порой – древнее Христовой науки, вышедшие из веков, когда владычествовал непроглядный мрак, а истина единой и святой веры еще не была явлена миру.

И никто из нас не знал наверняка, что скрывают подземелья монастыря Амшилас. Об этом не говорили. Да об этом и думать не следовало. Достаточно и того, что заблудшие души делятся здесь своим темным знанием, находят успокоение, исповедуясь в грехах и получая милость безграничного страдания. Так, чтобы очистившись болью, они могли найти дорогу к престолу Господа.

Амшилас окружают мощные стены, но на них нет лучников, а стража не патрулирует окрестности. Святое прибежище хранимо силой веры – столь могущественной, что мы знаем: никто и никогда не отважится переступить порог монастыря без дозволения его обитателей.

Я громко постучал в ворота. Так громко, что у меня заболели не зажившие до конца раны. Поэтому я коротко зашипел.

– Кто-о-о там? – спросил старческий, но все еще сильный голос.

– Мордимер Маддердин, инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона, покорно прошу выслушать меня, – прокричал я, а ветер, веющий с реки, унес мои слова.

– Чего ты хочешь, инквизитор?

Объясняться с кем-то, кого ты даже не видишь (и кто наверняка не столь уж и важная птица, раз выслали его к воротам), показалось мне несколько унижительным. Но монастырь наверняка не был тем местом, где просящему внимания инквизитору стоило начинать споры о своей значимости.

– Хотел бы воспользоваться знаниями братьев-библиотекарей, – ответил я громко.

– Не ори так, инквизитор, у меня хороший слух, – проскрипел привратник недовольным тоном. – Приходи завтра, а лучше – еще когда-нибудь.

– С твоего позволения, отче, – сказал я, – это срочное дело и весьма притом важное.

Он рассмеялся сухим, неприятным смехом, что быстро перешел в хриплый кашель. Отхаркнул и несколько раз сплюнул.

Я спокойно ждал.

- Срочные дела, – буркнул он наконец. – У всех вас срочные дела... Приходи завтра.
- Боюсь, это не может ждать, – ответил я, стараясь придать голосу решительности.
- Этому монастырю без малого шесть сотен лет, – услышал я через некоторое время. – Как полагаешь, он выдержит без тебя еще год-другой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.